Майкл Бонд

Ольга да Польга

и её невероятные истории

От создателя медвежонка Паддингтона!

Иллюстрации Кэтрин Рейнер

АЗБУКА

Ольга да Польга всегда выделялась из толпы других морских свинок в зоомагазине. Главное, что делало её особенной, — неуёмная фантазия и жажда приключений! Непревзойдённая выдумщица и рассказчица, она была уверена, что её ждёт увлекательное будущее, полное захватывающих событий и неожиданных сюжетных поворотов. И в один прекрасный день приключения Ольги начались!

Создатель знаменитого на весь мир медвежонка Паддингтона, Майкл Бонд написал также несколько очаровательных историй о фантазёрке и мечтательнице, морской свинке с необычным именем Ольга да Польга. Полные доброго юмора и весёлого абсурда, перемешанного с житейской мудростью, невероятные истории Ольги не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых!

Впервые на русском языке!

Ольга да Польга

Карен. — М. Б.

Моей маме Элизабет, которая в детстве читала мне невероятные истории Ольги да Польги. — К. Р.

Дорогой читатель,

моя первая встреча с морскими свинками произошла, когда мне было девять лет. Я тогда обменял коробку с карандашами, уложенными в три слоя, на трёх морских свинок. Мой одноклассник их разводил.

Поскольку приятель поклялся, что эти свинки — мальчики, я назвал их Пайп, Писк и Уилфред в честь персонажей мультика. Учитывая, что карандаши были подарком на Рождество от моих родителей, они удивительно благосклонно восприняли эту сделку.

Мама заказала клетку, которую отец прикрепил к задней стенке нашего сарая, и каждое утро перед уходом в школу я выходил на улицу, чтобы посмотреть, как там мои свинки.

И однажды, к моему большому изумлению, появилась ещё одна, и стало их четыре.

Я сильно подозреваю, что Уилфред оказался Уинни, но этого мы уже никогда не узнаем. Прошло более тридцати лет, прежде чем я снова столкнулся с морской свинкой.

Она была подарком моей дочери, Карен, и, поскольку по соседству жил морской свинк по имени Борис, мы назвали нашу Ольгой. Именно она стала прототипом персонажа этой прекрасно иллюстрированной книги.

Michael Bond

Ольга да Польга

и её невероятные истории

МАЙКЛ БОНД

Иллюстрации
КЭТРИН РЕЙНЕР

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Глава первая

Ольга отправляется в путь

С самого начала было ясно, что Ольга да Польга не из тех морских свинок, которые могут всю жизнь просидеть на одном месте. Какой-то особый шарм, задорно торчащие усы, лихо закрученные розетки бело-рыже-коричневого меха и ярко блестевшие глаза сразу выделяли её среди прочих морских свинок.

Даже само её имя было овеяно романтикой. Как она его получила, оставалось тайной, а сама Ольга рассказывала по этому поводу множество удивительных историй. О лунных ночах, воздушных замках, безбрежных полях овса и прекрасных принцессах. Одна история была удивительнее другой,

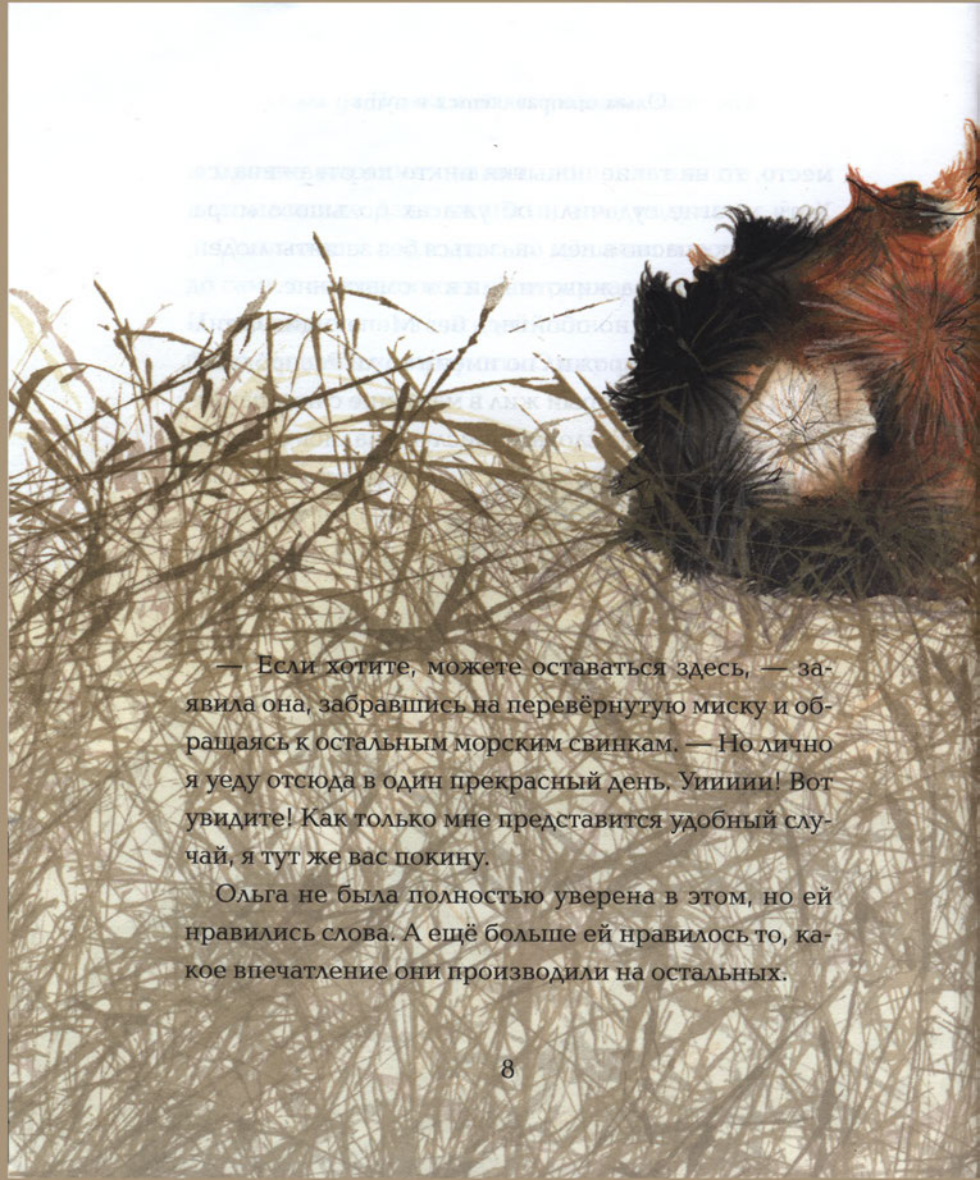
и прочие морские свинки, жившие вместе с ней в зоомагазине, даже не знали, что и подумать.

Однако имя подходило ей целиком и полностью, до самых коготков всех её четырнадцати пальчиков. И если кому-то из соседей-свинок и казалось, что было бы неплохо проучить Ольгу и поставить её на

место, то на такие попытки никто не отваживался. Хотя многие судачили об ужасах большого мира, о том, как опасно в нём оказаться без защиты людей, ухаживающих за животными в зоомагазине.

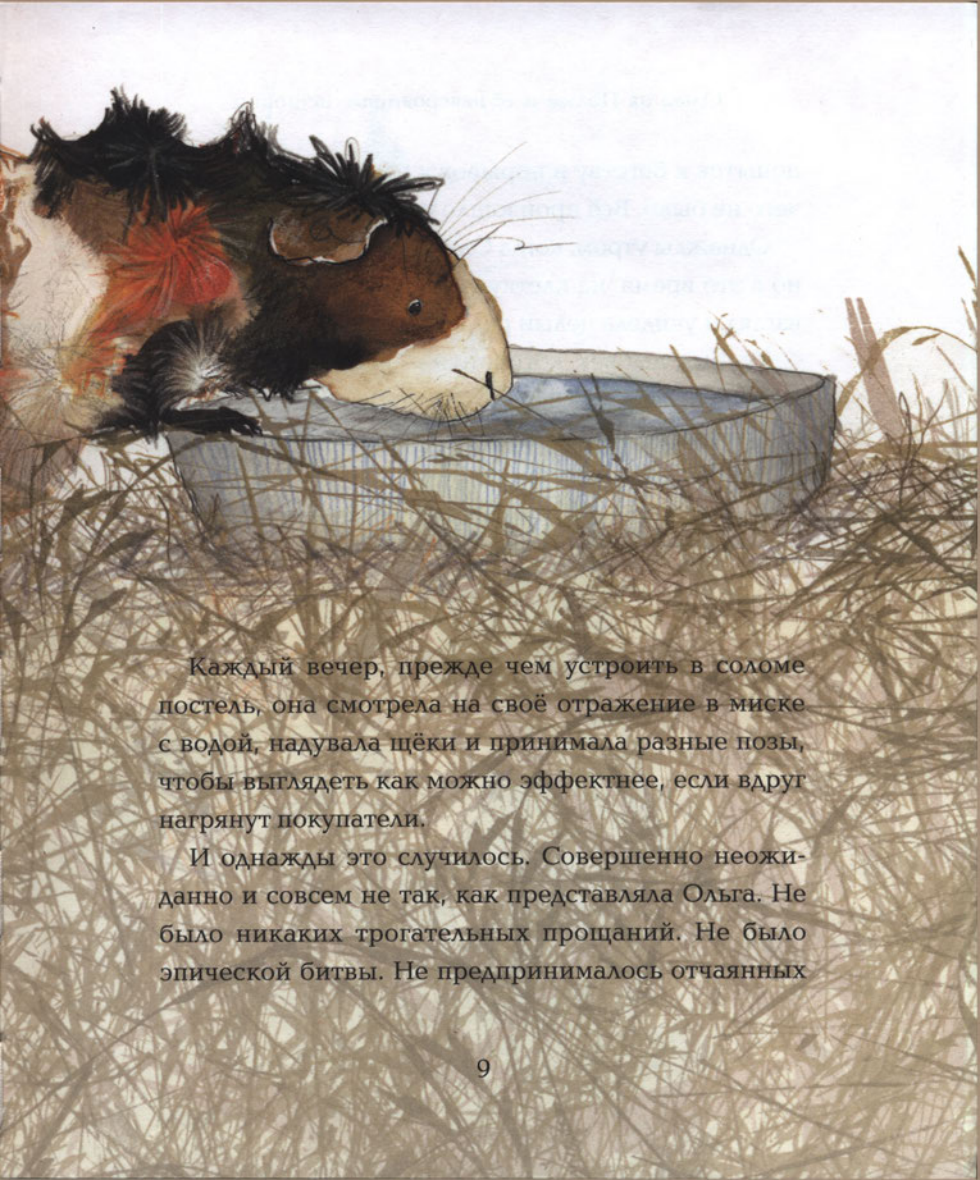
— Невозможно обойтись без Меняющих Опилки, — уверял старожил по имени то ли Распродажа, то ли Возврат, который жил в магазине с незапамятных времён. К его словам прислушивались с уважением — он повидал жизнь, однажды отсутствовал целых два дня. — Мир снаружи холоден и жесток.

Но Ольга да Польга и слушать не желала эти глупости.



— Если хотите, можете оставаться здесь, — заявила она, забравшись на перевёрнутую миску и обращаясь к остальным морским свинкам. — Но лично я уеду отсюда в один прекрасный день. Уиииии! Вот увидите! Как только мне представится удобный случай, я тут же вас покину.

Ольга не была полностью уверена в этом, но ей нравились слова. А ещё больше ей нравилось то, какое впечатление они производили на остальных.



Каждый вечер, прежде чем устроить в соломе постель, она смотрела на своё отражение в миске с водой, надувала щёки и принимала разные позы, чтобы выглядеть как можно эффектнее, если вдруг нагрянут покупатели.

И однажды это случилось. Совершенно неожиданно и совсем не так, как представляла Ольга. Не было никаких трогательных прощаний. Не было эпической битвы. Не предпринималось отчаянных

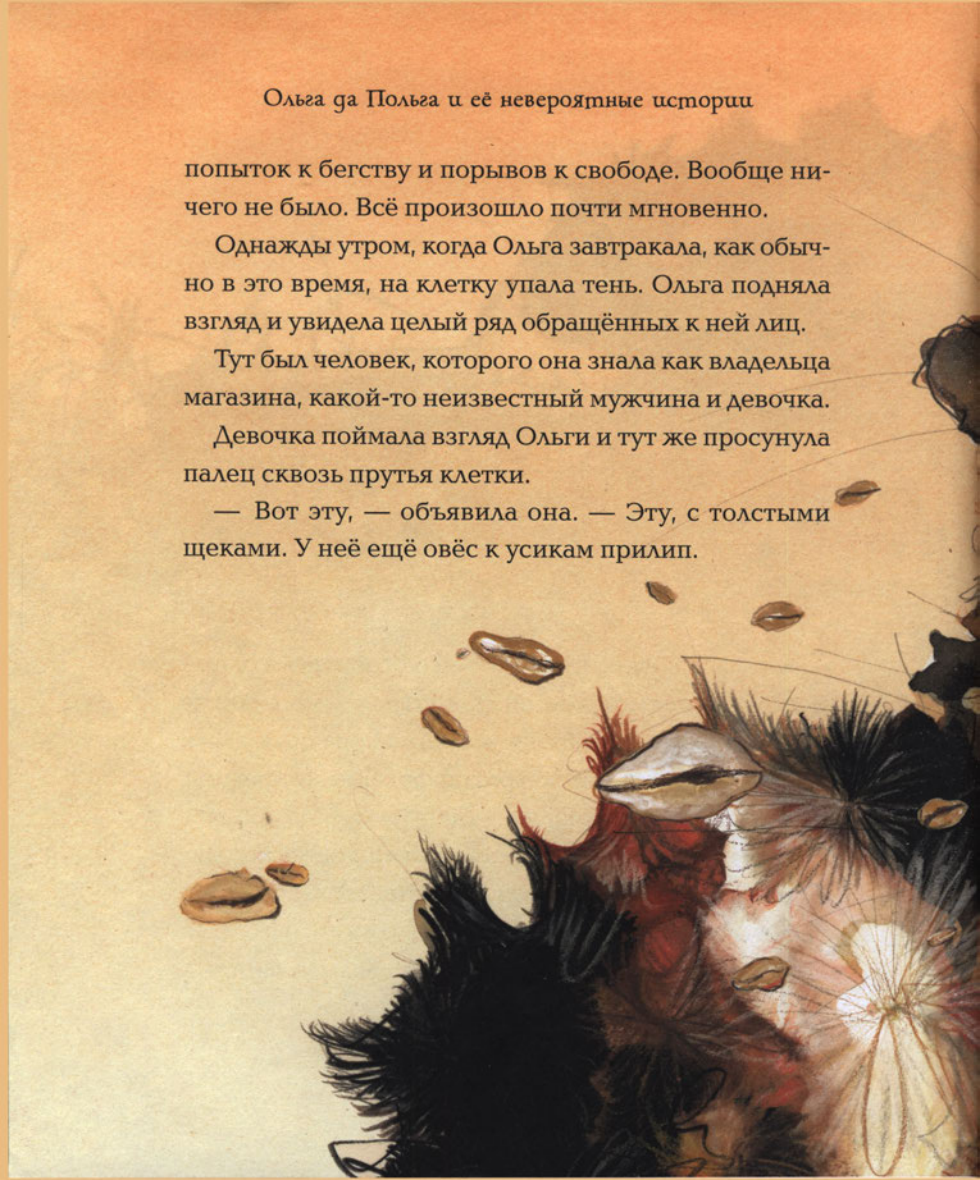
попыток к бегству и порывов к свободе. Вообще ничего не было. Всё произошло почти мгновенно.

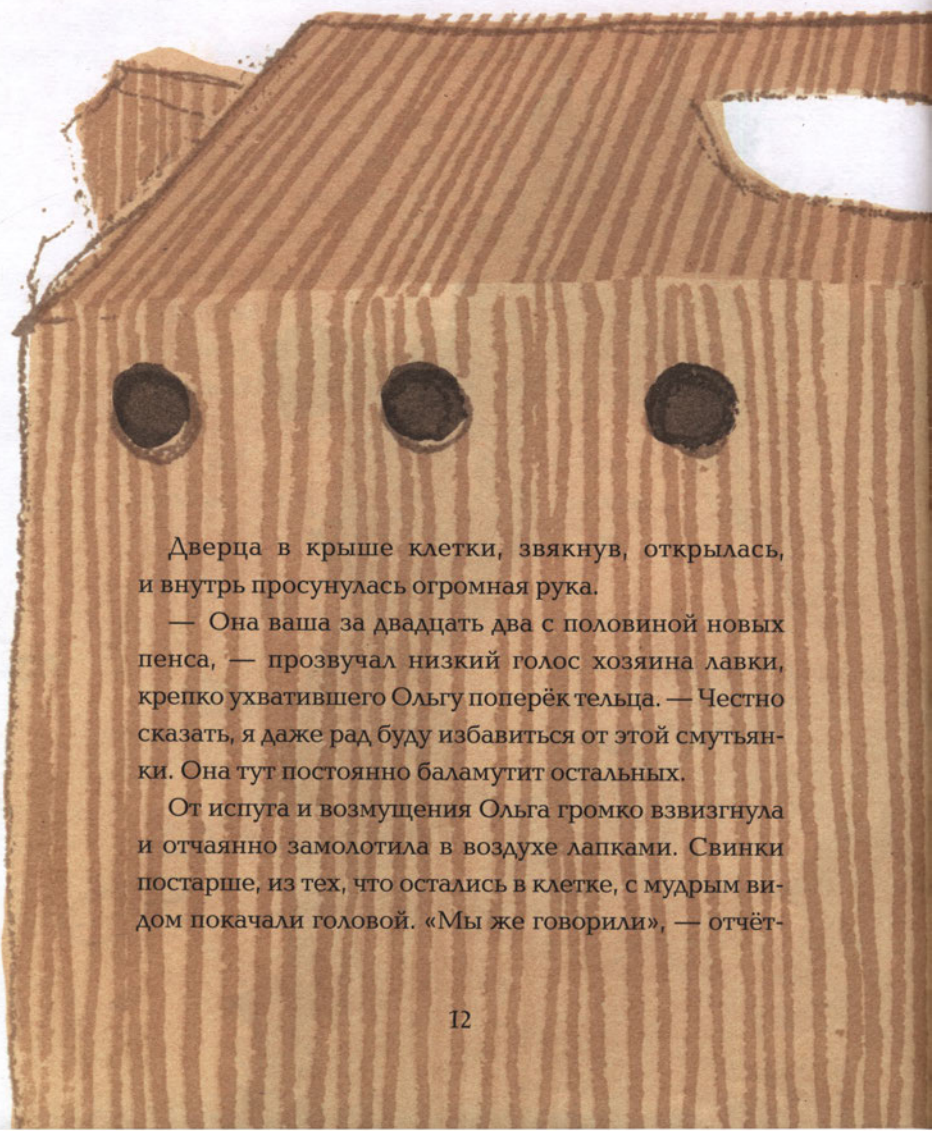
Однажды утром, когда Ольга завтракала, как обычно в это время, на клетку упала тень. Ольга подняла взгляд и увидела целый ряд обращённых к ней лиц.

Тут был человек, которого она знала как владельца магазина, какой-то неизвестный мужчина и девочка.

Девочка поймала взгляд Ольги и тут же просунула палец сквозь прутья клетки.

— Вот эту, — объявила она. — Эту, с толстыми щеками. У неё ещё овёс к усикам прилип.

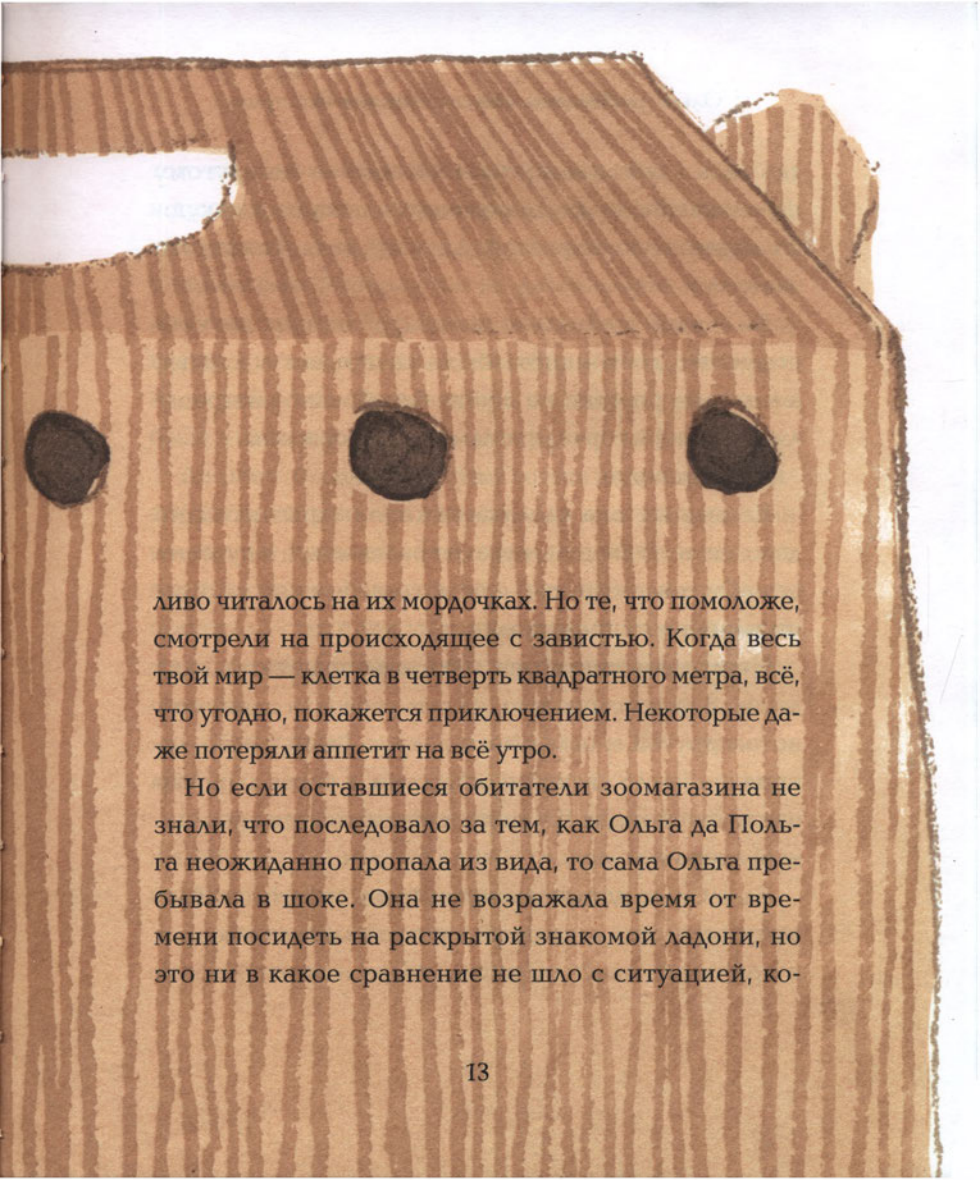




Дверца в крыше клетки, звякнув, открылась, и внутрь просунулась огромная рука.

— Она ваша за двадцать два с половиной новых пенса, — прозвучал низкий голос хозяина лавки, крепко ухватившего Ольгу поперёк тельца. — Честно сказать, я даже рад буду избавиться от этой смутьянки. Она тут постоянно баламутит остальных.

От испуга и возмущения Ольга громко взвизгнула и отчаянно замолотила в воздухе лапками. Свинки постарше, из тех, что остались в клетке, с мудрым видом покачали головой. «Мы же говорили», — отчёт-



ливо читалось на их мордочках. Но те, что помоложе, смотрели на происходящее с завистью. Когда весь твой мир — клетка в четверть квадратного метра, всё, что угодно, покажется приключением. Некоторые даже потеряли аппетит на всё утро.

Но если оставшиеся обитатели зоомагазина не знали, что последовало за тем, как Ольга да Польга неожиданно пропала из вида, то сама Ольга пребывала в шоке. Она не возражала время от времени посидеть на раскрытой знакомой ладони, но это ни в какое сравнение не шло с ситуацией, ко-

гда тебя грубо хватают и плюхают — по-другому не назовёшь, — бесцеремонно плюхают в какую-то картонную коробку! Да ещё после плотного завтрака!

Её сердце громыхало, как барабан, чувство собственного достоинства было разорвано в клочья, а меховые розетки на шубке безобразно растрепались и теперь торчали иглами во все стороны.

В довершение всего Ольгу вырвало.

К тому же она сделала важное открытие. Одно дело, если ты знаешь, куда отправляешься в путешествие, и совсем другое — если ты не имеешь об этом ни малейшего представления.

Несколько минут она лежала неподвижно, едва дыша. Затем осторожно открыла сначала один глаз, потом другой и огляделась вокруг. Было темно, но приятно пахло свежими опилками, а через дырочку над головой падал луч света и просачивался прохладный свежий воздух.

Едва Ольга попыталась уговорить себя, что всё не так уж и плохо, как коробка резко взлетела в воздух и принялась опасно прыгать вверх и вниз. А после

того как она начала ещё и накреняться то в одну, то в другую сторону, Ольга пожалела, что была такой хвастливой. А вдруг это наказание за хвастовство? Старикашка Возврат часто рассказывал о людях и о том, какими суровыми они могут быть. Ольга всегда думала, что это из-за обиды на то, что один из людей когда-то его вернул, но теперь она уже не была в этом так уверена.

Дальше было хуже. Пока она старалась припомнить, сколько раз хвасталась или выдумывала не вполне правдивые истории, коробка перестала подпрыгивать. Раздался рёв, и по всему телу Ольги побежала странная щекотка, начиная с пальчиков и до самого хвостика, если эту пимпочку можно так назвать.

— О господи!— возопила Ольга. — Что происходит?

И тут до неё внезапно дошло. Шум, щекотка, ощущение, что она куда-то движется, хотя сама и не шевелится... это могло означать только одно.

— Автомобиль! — воскликнула она, подпрыгивая от возбуждения. — Я в автомобиле!

Ольга всё знала про автомобили, потому что видела их через витрину в зоомагазине, но никогда, даже в самых смелых мечтах не представляла, что однажды поедет в одном из них.

Собрав всю свою храбрость, она вскарабкалась по стене коробки и, стоя на цыпочках, сумела заглянуть в дырочку коробки.

От улицы с домами не осталось и следа. Вместо неё, насколько хватало глаз, вокруг расстилались поля и луга. Деревья, живые изгороди, холмы, покрытые зелёной травой, обочины дороги в цветущих одуванчиках проносились мимо со скоростью ветра.

— Если это и есть тот большой мир, о котором я столько слышала, думаю, он мне должен понравиться, — решила Ольга. — Он гораздо, гораздо лучше, чем душный и тесный магазин.

Тут она навострила ушки, потому что сквозь шум мотора до неё донеслись голоса. Сначала один, низкий, потом другой, выше и моложе. Ольга вспомнила, что этот голосок принадлежал девочке, которая выбрала её из всех остальных морских свинок.

— Карен, тебе придётся самой ухаживать за ней, — произнёс низкий голос. — Каждый день, что бы ни случилось. Без каких-либо исключений.

— Я обещаю. — Девочка помолчала и продолжила: — Мне так хочется, чтобы ей понравился её новый дом.

— Да уж надеюсь, — отозвался мужчина. — Он мне влетел в копеечку. Деревянные стеры, надёжная крыша, которая не протекает, стекло для окошка спальни, железная сетка на дверь, высокие ножки, чтобы Ноэль не добрался...

Мужчина продолжал ещё что-то говорить, но Ольга тихонько сползла на дно коробки. Она не верила своим ушам.

— Я буду жить с людьми, которые меняют опилки! — Она едва дышала от восторга. — В собственном доме! С настоящей крышей и спальней! — мечтательно добавила она. — На ножках. Похоже, я буду жить во дворце. Да наверняка!

Глава вторая

Ольга да Польга получает ИМЯ

Если новый дом Ольги да Польги и не был настоящим дворцом, то был очень на него похож. Вряд ли в её жизни могло появиться что-то более похожее на дворец.

Из тесноты и толкотни магазинной клетки она словно перенеслась в другой мир. Новый дом оказался большим, просторным и был разделён на две части. Пол везде посыпан свежими опилками, а комнаты разделены стенкой с прорезанным

отверстием, через которое можно было свободно проходить из одного помещения в другое.

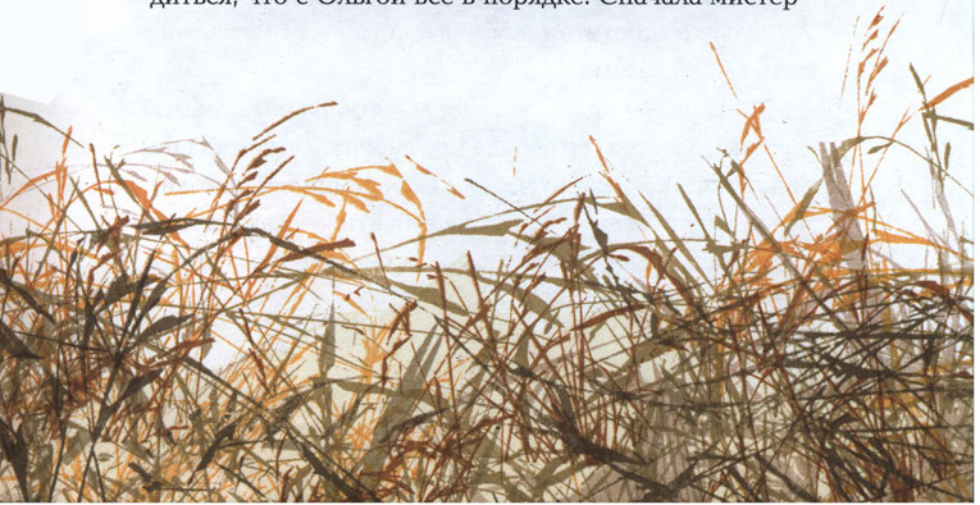
Первая половина была столовой и игровой. На двери натянута проволочная сетка, в одном углу веточка рябины, чтобы почистить и поточить зубки, и две миски: на одной написано ОВЁС, на другой — ВОДА.

Ольга воздала должное и тому и другому, прежде чем заняться изучением второй комнаты. Та оказалась даже лучше первой. В ней было не только *стеклянное окно*, защищавшее от непогоды, но и целая охапка свежего, ароматного сена, в которое сразу захотелось зарыться.

Но Ольга сначала хорошенько примяла сено, чтобы было удобно и не слишком жарко, и устроилась там, чтобы хорошенько обдумать всё произошедшее. Поразмышляв, она пришла к выводу, что жизнь повернулась к ней самой приятной стороной.

Солнышко светило, птички пели. Все звуки вокруг казались дружелюбными — какое-то позвякивание, пение. Время от времени из большого дома слышалось жужжание — мистер и миссис Опилки (так решила называть их Ольга) занимались своими делами.

Иногда возле клетки слышались голоса — кто-нибудь из членов семьи заглядывал в окошко убедиться, что с Ольгой всё в порядке. Сначала мистер



Опилки, затем миссис Опилки, потом ещё какие-то «соседи», и у всех находилось доброе слово для морской свинки.

Наконец появилась сама Карен Опилки с огромной охапкой свежей травы, букетом одуванчиков и большой сочной морковкой, аккуратно разрезанной пополам. И всё это она красиво разложила около миски с овсом.

— А теперь мы будем выбирать тебе имя, — объявила девочка, когда Ольга выбралась из спальни попробовать новые деликатесы. — И выбрать нужно правильно, потому что завтра папа собирается написать его над твоей дверью. Потом уже ничего нельзя будет изменить.

Ольга с аппетитом жевала, наполовину погружённая в свои мысли.

— Папа предлагает назвать тебя Грета, маме очень нравится Герда, но я не уверена. Эти имена не кажутся мне *особенными*. — Карен Опилки приблизила лицо к дверце, прежде чем уйти. — Как бы мне хотелось, чтобы ты сама могла сказать нам, какое имя хочешь!

«Грета?.. Герда?.. *Написать на моей двери?*» Для Ольги словно мир внезапно перевернулся. Она замерла, не веря своим ушам, перекушенная травинка свисала у неё изо рта.

— Но я же Ольга да Польга! — завопила она. — Я всегда была Ольга да Польга. Я не могу измениться, просто не могу!

Но её уже никто не слушал.

* * *

Поздно ночью, когда все уже давно улеглись спать, Ольга не могла сомкнуть глаз, погружённая в свои мысли.

— Наверно... — твердила она себе уже в сотый раз, — наверно, мне не следует ворчать, мне следует быть благодарной за всё. Ну то есть... у меня прекрасный дом... еда... друзья вокруг... но мне так хочется сохранить своё имя, тем более если его ещё и напишут.

Чем больше Ольга об этом думала, тем грустнее ей становилось. Она не могла не вспоминать слова одного из старейших обитателей зоомагазина.

— Всегда держись за своё имя, — говорил он. — Может, это и не так уж много, но если ты — морская свинка, то зачастую это всё, что у тебя есть.

Ольга всегда твёрдо помнила своё имя. ОЛЬГА ДА ПОЛЬГА. Оно понравилось ей сразу, а теперь стало таким родным и привычным, что и подумать нельзя было о каком-то другом. Свинка закрыла глаза и отчётливо представила своё имя, написанное большими чёрными буквами на боку старой картонной коробки.

Внезапно она подскочила и в волнении заметалась по дому. А может быть... А если получится?.. Её просто трясло от дерзости идеи, пришедшей ей в голову.

Ей предстоит много работы. Много тяжёлой, почти непосильной работы. И всё же...

Выбравшись из тёплой постели и дрожа то ли от прохладного ночного воздуха, то ли от волнения, Ольга перебралась в соседнюю комнату. Крепко ухватив зубами рябиновую веточку, она принялась за работу.

Она царапала и соскребала нацарапанное, останавливалась и вновь начинала — и так бесконечно долго. Иногда ей приходилось разравнивать опилки, прежде чем начать всё сначала. Она пробовала снова и снова, до тех пор, пока не получилось то, что нужно.

Только с рассветом, едва живая от усталости, она наконец-то уползла к себе в спальню и упала на сено. Лапки болели, вся шубка в опилках, а глаза так устали, что закрывались сами.

«Мне кажется, всё ясно, — думала она, глядя на результат ночной работы. — Но с другой стороны, я-то знаю, что это. Будем надеяться, что и другие поймут».

Она уснула, а округа понемногу наполнялась утренними звуками. Странными, непривычными звуками. Вместо обычного ворчанья, кряхтенья и шуршания, как в зоомагазине, здесь слышался лай собак, бой часов на башне, позвякивание бутылок и где-то

вдалеке — шум проходящего поезда. На самом деле звуков было так много, что Ольга потеряла им счёт.

И наконец раздался тот, которого она так ждала. Звук отодвигаемого засова — и вот уже знакомое лицо появилось с другой стороны проволочной сетки.

В следующие несколько секунд Ольга могла слышать только стук собственного сердца.

— Мама! Мамочка! — С изумлённым возгласом лицо исчезло. — Иди скорее! Посмотри на это!

— Уиииии! — радостно подпрыгнула Ольга. — Получилось! Уиииииииии! — Попискивая от радости и гордости за свою сообразительность, свинка кругами заметалась по клетке, в восторге разбрасывая опилки и уничтожая результат своих ночных трудов.

— Ольга да Польга? — удивлённо воскликнула миссис Опилки. — Написано на полу? Что за фантазии... Как такое может быть? — У двери показалось её лицо. — Я ничего не вижу. Тебе, наверно, показалось. Но знаешь... — она помолчала, — имя хорошее. На твоём месте я бы его выбрала.

Когда они снова остались вдвоём, Ольга посмотрела в окошко на Карен, а Карен на неё.

— Ох уж эти взрослые! — вздохнула девочка. — Они никогда не понимают таких вещей. Но мы-то с тобой знаем, правда?

Ольга да Польга гордо вскинула голову.

— Уиииии! — завопила она как можно громче. — Уиииииииии! Уиииииииии! Уиииииииииии!

И действительно, что ещё тут можно было сказать?

Глава третья

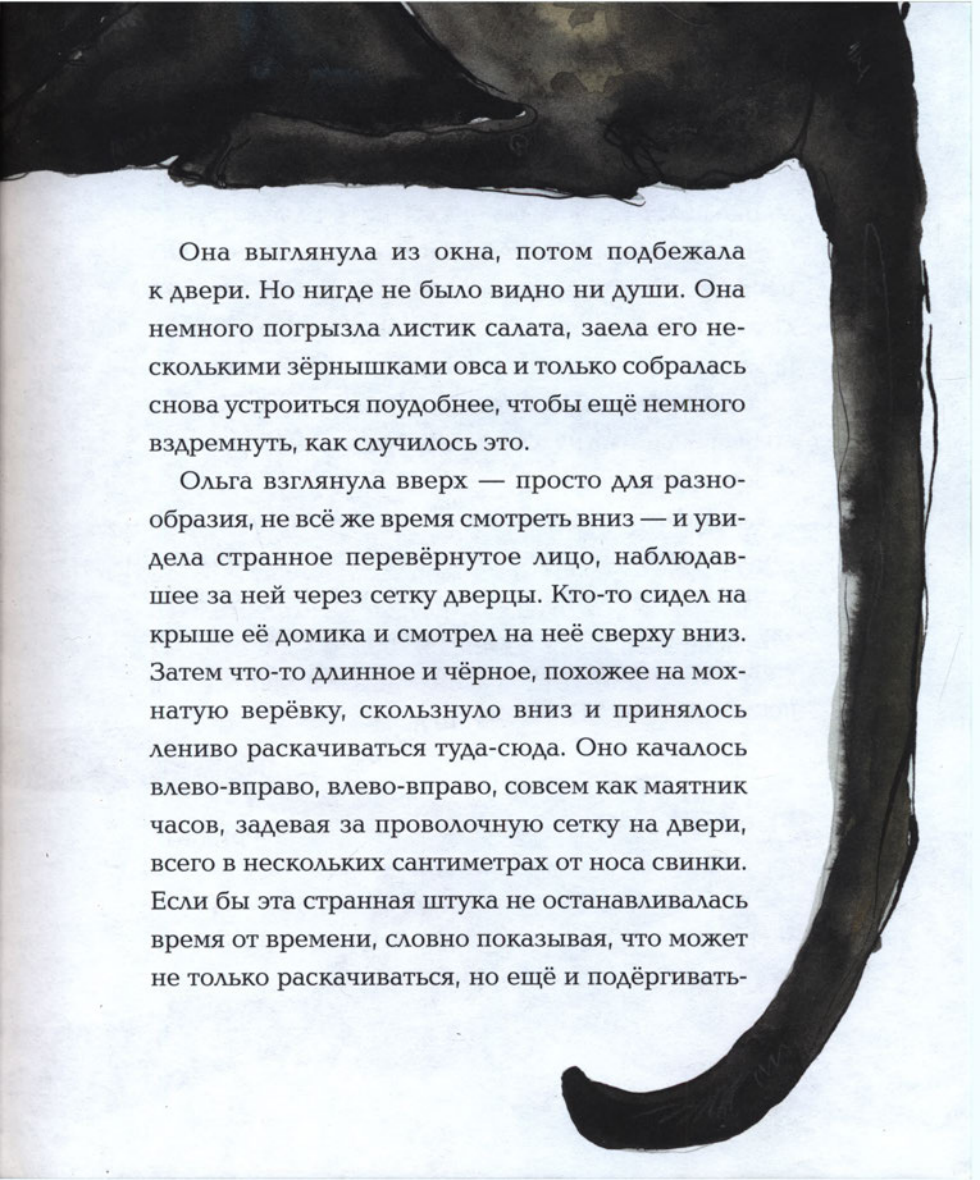
Ольга совершает УКУС

Ночные труды так вымотали её, что сразу после завтрака Ольга отправилась спать. И спала долго. Она смутно помнила, что однажды проснулась от какого-то странного запаха, но это оказался мистер Опилки. Он возился возле её дома, держа в одной руке нечто похожее на крошечный хвостик на конце палочки, а в другой — баночку с чем-то чёрным, куда макал хвостик на палочке.

Что бы это ни было, все, похоже, остались очень довольны результатом и всё время повторяли имя морской свинки. Ольге было очень приятно.

Ольга не знала, сколько ещё она проспала после этого, но, должно быть, довольно долго, потому что, когда она наконец проснулась, солнце, которое утром светило в окно её спальни, теперь заливало светом дверь.

Свинка открыла глаза, потянулась, вытащила из меха несколько застрявших в нём опилок, встряхнулась и замерла — Ольге показалось, что ЗА НЕЙ НАБЛЮДАЮТ.



Она выглянула из окна, потом подбежала к двери. Но нигде не было видно ни души. Она немного погрызла листик салата, заела его несколькими зёрнышками овса и только собралась снова устроиться поудобнее, чтобы ещё немного вздремнуть, как случилось это.

Ольга взглянула вверх — просто для разнообразия, не всё же время смотреть вниз — и увидела странное перевёрнутое лицо, наблюдавшее за ней через сетку дверцы. Кто-то сидел на крыше её домика и смотрел на неё сверху вниз. Затем что-то длинное и чёрное, похожее на мохнатую верёвку, скользнуло вниз и принялось лениво раскачиваться туда-сюда. Оно качалось влево-вправо, влево-вправо, совсем как маятник часов, задевая за проволочную сетку на двери, всего в нескольких сантиметрах от носа свинки. Если бы эта странная штука не останавливалась время от времени, словно показывая, что может не только раскачиваться, но ещё и подёргивать-

ся, шевеля одним кончиком, то её монотонное движение полне могло бы снова усыпить Ольгу.

Свинка ещё немного понаблюдала — и приняла решение. Есть один-единственный способ определить, принадлежит ли странная верёвка и голова одному и тому же существу, — им она и воспользовалась. Набравшись терпения, дождалась, когда кончик верёвки изогнулся и просунулся в ячейку сетки. И бросилась вперёд.

Когда Ольга вонзила в верёвку все свои двадцать зубов, противная штука вырвалась у неё изо рта, а сад огласил громкий пронзительный вопль, в котором звучали боль и испуг. И голова, и странная верёвка внезапно пропали из виду, а визги и завывания, последовавшие за этим, могли бы разбудить и мёртвого.

Естественно, все семейство Опилки тут же бросилось выяснять, что случилось. Хлопали двери. Звучали голоса. Раздавался топот бегущих...

Ольга с интересом наблюдала, как мимо её вольера промчался сначала один, потом другой член семьи.

«Уж не знаю, что — или кто — это было, — размышляла Ольга, — но я всегда говорю: начинай так, как собираешься продолжать». И она снова принялась уплетать овёс за обе щёки.

— Кис-кис-кис... ну же, спускайся. Кис-кис-кис...

— Господи, да что же его так напугало-то?

— Да слезай же... кис-кис кис...

— Слезай, чёртова скотина!

Голоса звучали всё более и более нетерпеливо. Мистер Опилки пробежал мимо домика Ольги в обратную сторону и через какое-то время — снова, уже красный и запыхавшийся, таща на себе что-то деревянное, в два раза больше его самого.

— Пришлось попросить раздвижную лестницу у соседей. Иначе его не достать, — сказал он.

— Ух ты, *раздвижная лестница*! — восхитилась Ольга. Она понятия не имела, что это такое, но происходящее становилось всё интереснее. — Надо делать такое почаще, — решила свинка. — Прекрасный способ приятно провести летний вечерок. — И она забегала по домику, отправляя в рот всё вкусненькое, что попадалось ей на пути.

Впрочем, семья, по всей видимости, не разделяла её энтузиазма. Периодически раздавались крики «Осторожно!» и «Не оступись!». Укушенный Ольгой объект теперь, похоже, находился на верхушке очень высокой сосны, и шли разговоры о том, что надо вызывать какую-то пожарную команду.

Но к великому разочарованию Ольги (она ещё ни разу не видела пожарной команды, а уж тем более не была причиной её вызова), как раз в тот момент, когда всеобщее волнение и мистер Опилки достигли самой высокой точки, странному существу пришло в голову спуститься самостоятельно.

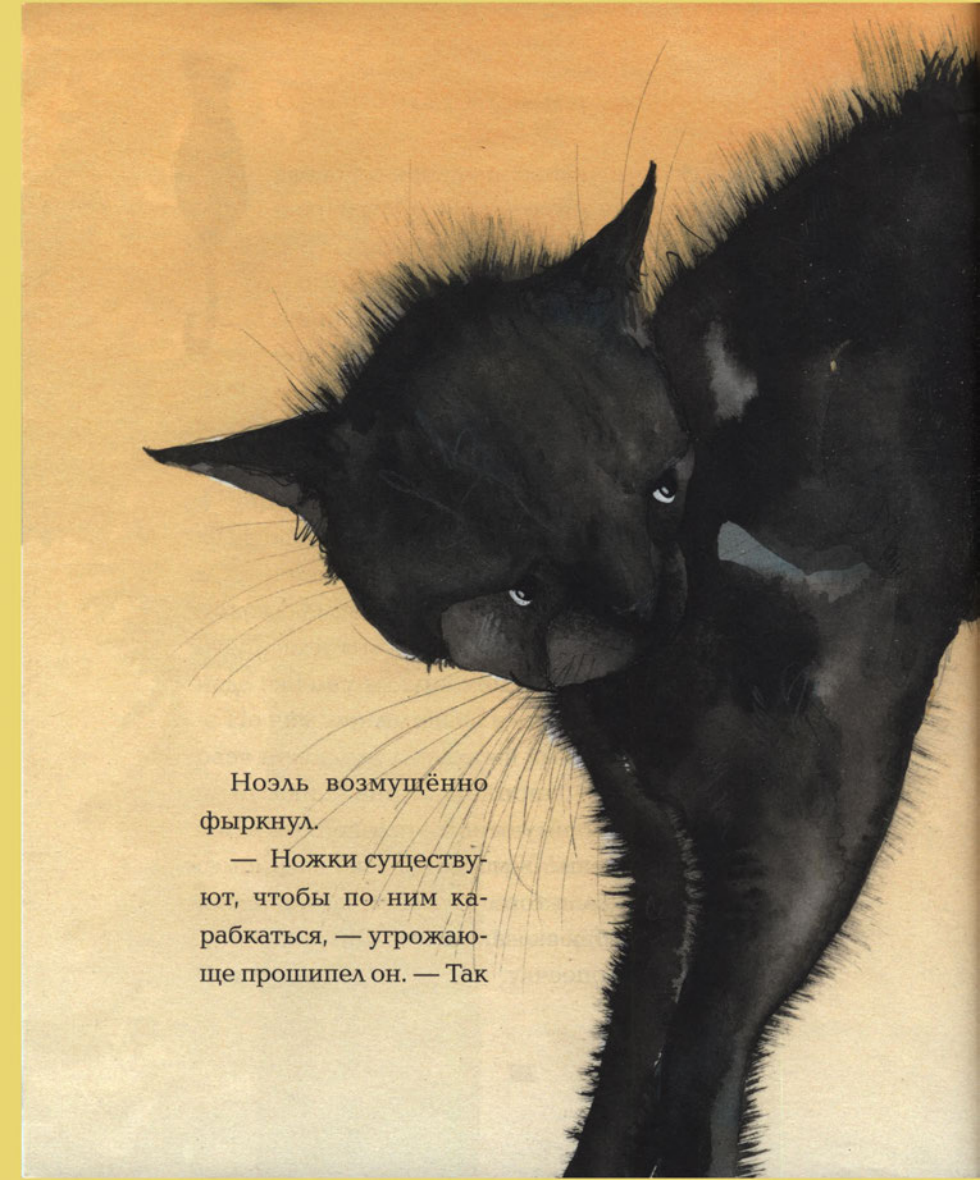
— Ох уж эти кошки! — сердито бросил мистер Опилки.

Раздался стук, звяканье, и вскоре он снова протащил лестницу мимо домика Ольги, раскрасневшийся ещё больше, чем прежде.

— Ноэль, противная ты зверюга! — В поле зрения свинки появилась Карен Опилки с перепуганным клубком чёрного меха на руках. — Даже не представляю, что о тебе подумает Ольга. Неужели ты не можешь вести себя так же тихо и спокойно, как она?

Вообще-то, Ольга не думала о Ноэле, поскольку так была занята едой, что даже головы не подняла, но что подумал Ноэль, было ясно без слов. Как только его опустили на землю, он выгнул спину, поднял шерсть дыбом и уставился на клетку с выражением «ну, ты у меня дождёшься!». Ольга бросила на него лишь мимолётный презрительный взгляд.

— Уиииииииии! — пропищала она, сидя в безопасности в своей уютной столовой. — Ты меня не напугаешь! У моего домика есть ножки, специально для того, чтобы ты не мог до меня добраться. Так сказал мистер Опилки. Это влетело ему в копеечку.



Ноэль возмущённо фыркнул.

— Ножки существуют, чтобы по ним карабкаться, — угрожающе прошипел он. — Так

что жди. Однажды я так укушу тебя за хвост, что... — Он умолк, с недоумением глядя на Ольгин зад, которым она незамедлительно к нему повернулась.

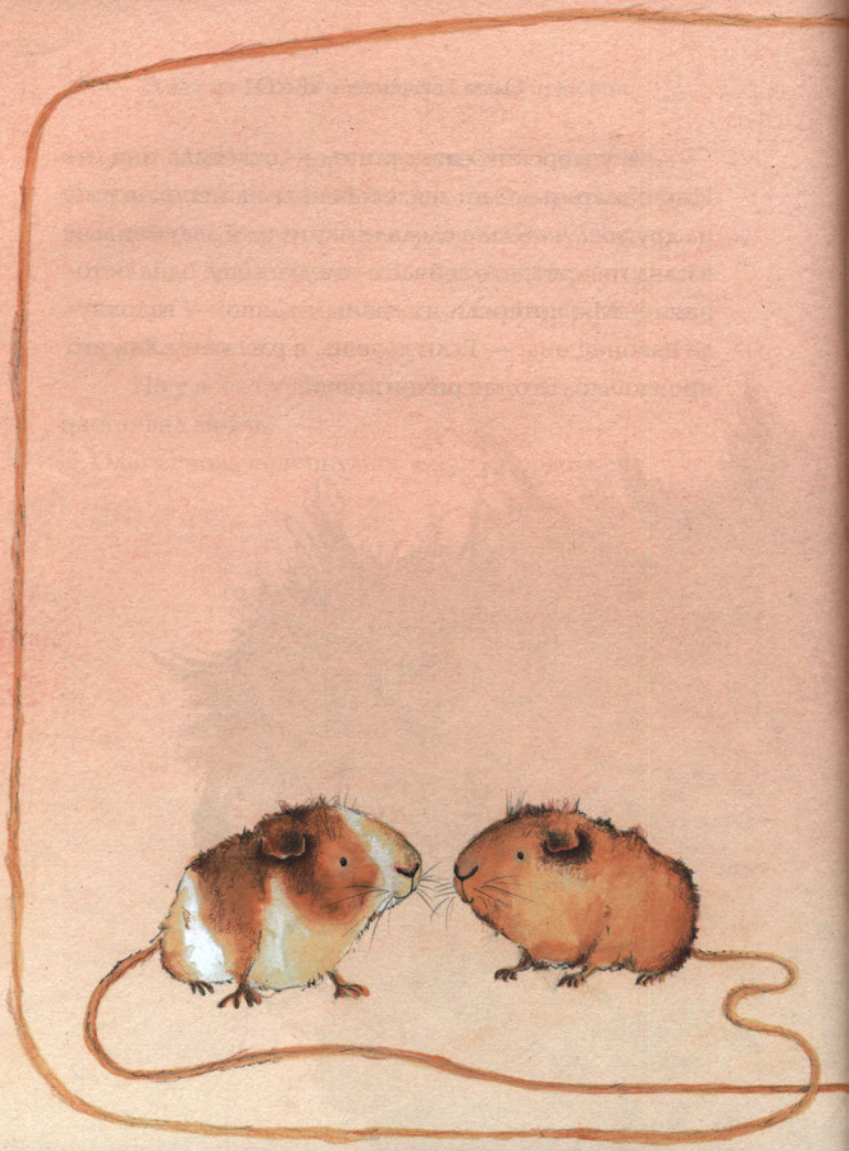
— Ты... У тебя нет хвоста! — возмутился он.

— Да. У меня нет хвоста, — хладнокровно подтвердила свинка.

— Но у всех пушистых животных есть хвосты, — настаивал Ноэль.

Ольга снова повернулась к нему мордочкой.

— А у морских свинок нет, — ответила она. — Именно это и делает нас особенными, непохожими на других... — Ольга сделала паузу, и её задумчивый взгляд говорил, что сейчас последует ещё одна история. — Мы потеряли их давным-давно, — вздохнула наконец она. — Если хочешь, я расскажу, как это произошло. Это так романтично!



Глава четвёртая

История хвоста

— Когда-то давным-давно... — начала Ольга (даже в тех случаях, когда она ещё не была уверена, о чём будет её история, она, по крайней мере, знала, как нужно её начать). — Когда-то давным-давно у морских свинок были самые прекрасные хвосты, которые только можно себе представить. Длинные и пушистые, с шерстью нежнее шёлка. Представь себе мягкий-премягкий клубок самого тонкого шёлка...

— Мягкий-премягкий клубок — это, конечно, замечательно, — зевнул Ноэль. — Но давай-ка побыстрее. Я не собираюсь торчать тут всю ночь. У меня своих дел хватает.

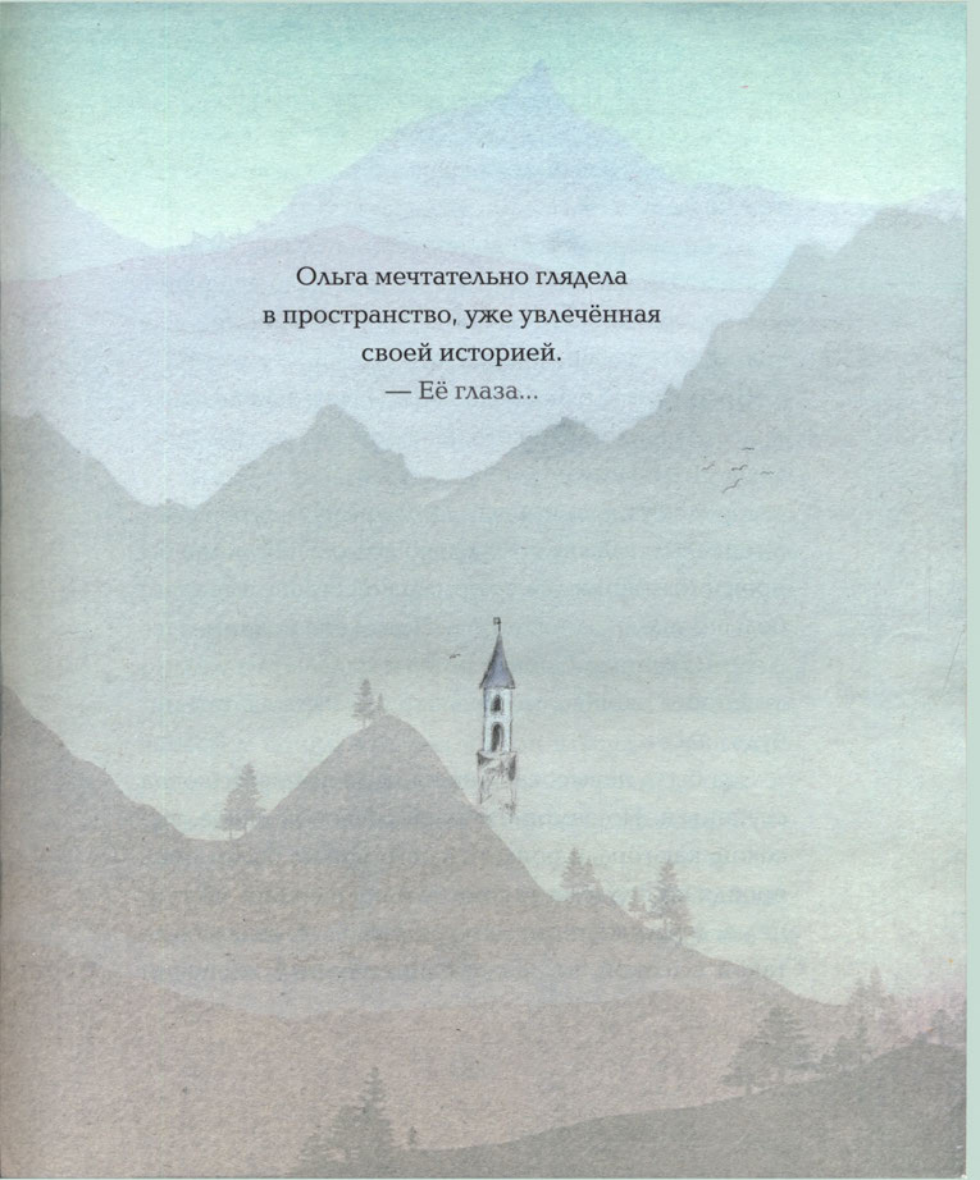
— Я рассказываю тебе всё это, — холодно возразила Ольга, — чтобы у тебя не сложилось превратное представление. Мне бы не хотелось, чтобы ты путал те хвосты, что некогда были у морских свинок, с обыкновенными хвостами, например кошачьими. — Она помолчала, частично для большего эффекта, но главным образом ради того, чтобы придумать продолжение. — Ты когда-нибудь слышал о Перу? — с надеждой поинтересовалась она. — Это место, откуда родом морские свинки.

— Я слышал о нём, — сказал Ноэль, не желая показаться невежественным. — Но никогда там не был.

— Ах вот как! — Ольга немного растерялась. — Мм... Но не думаю, что ты когда-нибудь слышал о Барзансе, — продолжила она, использовав первое попавшееся слово, пришедшее ей на ум. — Он такой маленький, что о нём практически никто не знает. — И она угрожающе посмотрела на Ноэля, словно говоря: вот только попробуй сказать, что знаешь. — Барзанс раньше соединялся с Перу, — продолжала она, — до тех пор пока однажды ночью чудовищный шторм не отломал его. В то время, о кото-

ром я рассказываю, а это было о-о-очень давно, он был таким крошечным, что там помещалось лишь по одной штуке всего. Там был один король, который правил одним королевством, в котором был только один дом, где жил только один человек. Сам король жил со своей падчерицей в замке, где была всего одна комната. Замок стоял на огромной скале, нависавшей над долиной. А сам король был повсеместно известен как самый капризный и раздражительный из всех королей.

А те немногие, кто видел его падчерицу, утверждали, что она самая прекрасная принцесса в мире; она была прекрасна в той же мере, в какой король был уродлив, и столь же добра, сколь зол и эгоистичен был он.



Ольга мечтательно глядела
в пространство, уже увлечённая
своей историей.
— Её глаза...

— А что, у неё было больше одного глаза? — с интересом спросил Ноэль.

— Её глаза, — твёрдо повторила Ольга, — были так прекрасны, что смотреть в них было всё равно что смотреть в *одно* тихое озеро, такое синее, как только можно себе вообразить.

Но эти глаза были печальны. Отчим завидовал её красоте и никогда никого не подпускал к замку, опасаясь, что падчерицу могут увезти.

Каждое утро принцесса просыпалась, смотрелась в зеркало и вздыхала. Сколько всего с ней могло бы произойти, живи она в нормальной стране, где всего больше чем по одной штуке. Потом она поднималась в единственную башню замка и сидела там у единственного окошка, мечтая, что однажды её кто-нибудь спасет.

Эта была невысокая башня, туда вела всего одна ступенька. Но замок стоял на отвесной скале, высокой, как гора, и попасть в него можно было, лишь пройдя по подъёмному мосту и поднявшись по тунелю, проложенному внутри скалы. А скала была такой высокой, что даже единственный живущий

в Барзансе орёл редко поднимался до её вершины, предпочитая летать над единственной долиной.

Время шло, и принцесса уже начала опасаться, что её никогда не спасут. Но в один прекрасный день в долину въехал на коне высокий незнакомец. Он спросил у единственного обитателя долины, где найти прекрасную принцессу, о которой слышал в далёкой стране.

Человек показал незнакомцу замок, но когда король увидел приближающегося всадника, то впал в ярость и поднял мост, чтобы чужак убирался восвояси. В гневе он запер тяжёлые дубовые двери, а ключ выбросил, чтобы никто его не нашёл.

Принц был вне себя от горя, потому что, подъезжая к замку, увидел мелькнувшее в окне лицо принцессы и понял, что всё, что он слышал о её красоте, — истинная правда. И разве не махнула она ему рукой? Разве не слышал он её голос, молящий о помощи?

«Ах, если бы я только мог спасти её! — воскликнул принц. — Если бы у меня были крылья, я мог бы взлететь и забрать её с собой!»

Он смотрел на скалу, но та была гладкая, как стекло. А единственная верёвка, которую ему удалось раздобыть в деревне, была рядом с ней всё равно что зубочистка рядом с высокой сосной.

Раз за разом, соскальзывая и обдирая в кровь руки, принц пытался взобраться на скалу, но всё было бесполезно. С болью в сердце он понял, что никогда не сумеет добраться до любимой. Более того, если он отправится за подмогой, принцесса всё равно умрёт раньше, потому что без ключа никто не может ни выйти из замка, ни войти в него.

Вдруг принц почувствовал, что за ним наблюдают, обернулся и увидел миллион пар глаз, смотрящих на него через границу из Перу.

— В Перу, — пояснила Ольга Ноэлю, — было в то время полным-полно морских свинок, потому что нас тогда ещё не открыли.

Одна из морских свинок выступила вперёд.

«Расскажи нам, — попросила она, — что ты делаешь?»

Усталый принц сел на землю и поведал свою историю. Морские свинки слушали его с сочувствием,

потому что они хорошо знали принцессу и любили её. В отличие от отчима, который вечно кричал на них и прогонял прочь, у девушки всегда находилось для них ласковое слово или какое-нибудь лакомство, которое она бросала из башни.

Когда принц закончил свою историю, морские свинки ненадолго исчезли, но вокруг поднялся странный шорох, словно вдруг задул ветер. Свинки о чём-то пошептались, а потом раздался такой громкий писк и ворчанье, каких никогда раньше не слышали даже в Перу, не говоря уж о королевстве Барзанс.

Наконец свинки вернулись, таща за собой длинную шёлковую верёвку. По сигналу вожака с неба спустился орёл, подхватил клювом верёвку и взмыл вверх, где на вершине башни ожидала принцесса. Когда верёвка была крепко привязана, принц быстро поднялся наверх и ещё быстрее спустился вниз с принцессой.

Он посадил девушку на своего коня и повернулся к свинкам, чтобы поблагодарить их за помощь.

И тогда он понял, какую великую и благородную жертву они принесли ради него. Все морские свинки отдали свои хвосты, чтобы сплести верёвку и спасти принцессу.

Принц не знал, как отплатить им за доброту, поэтому он удостоил их высочайшей награды, какую смог придумать. Не какую-то там медаль, которую трудно приколоть и можно потерять, а розетку, которая всегда будет на их шубках и на шубках тех, кто придёт следом, и так до скончания времён.

Ольга повернулась и посмотрела на розетку у себя на боку.

— Именно поэтому, — продолжала она, — если вы морская свинка с розеткой, вполне вероятно, что вы прямой потомок тех самых морских свинок, которые отдали свои хвосты много лет назад.

Ольга была так растрогана своей историей, что у неё комок застрял в горле. Секунду-другую ей было даже трудно глотать овёс.

Ноэль задумался.

— Не думаю, что согласился бы отдать свой хвост ради какой-то принцессы, — заявил он прямо. — Какой бы прекрасной она ни была.

— У морских свинок щедрая душа, — сказала Ольга. — Не то что у кошек.

— Если ты такая щедрая, может, поделишься со мной пучком травы? — попытался поддеть её Ноэль.

Но Ольга уже крепко уснула. Рассказывать истории довольно утомительно. Особенно истории о хвостах. К тому же кошек на сегодняшний день ей было уже вполне достаточно.

Глава пятая

Ольга заводит друзей

Вскоре Ольга стала членом семьи. Она полюбила свой дом. По утрам с удовольствием слушала, как её зовут завтракать.

А ещё у неё появились друзья. Иногда хозяева других морских свинок приносили их поздороваться и пообщаться, не говоря уже о нескольких кроликах, хомяке, двух волнистых попугайчиках и целой компании мышей.

Жизнь была очень приятной. Если и можно было на что-то пожаловаться, хотя такое Ольге и в голову

не приходило, так это на то, что к полудню в её домике становилось немного жарко. Ей часто хотелось порезвиться на лужайке, которая была видна в окно спальни. Она находилась в тени деревьев и казалась такой прохладной.

Однажды утром Ольга проснулась от непонятного нового звука. Вжик-вжик, вжик-вжик, тук-тук, тук-тук... Звуки продолжались и продолжались. Это её беспокоило.

Неожиданно, когда она уже решила, что самое неприятное позади, дверь её клетки открылась, и Ольга почувствовала, как её подняли и посадили в странное высокое сооружение, частью домик, частью деревянная рама, с трёх сторон обтянутая проволочной сеткой.

Но едва она собралась осмотреться и понять, куда попала, как кто-то взял и перевернул конструкцию. Ольга с большим трудом удержалась на ногах, а когда пришла в себя, обнаружила, что находится в большой клетке без дна.

— Ну надо же! — вслух подумала она. — Интересно, что дальше? Если это называется «прогресс», мне не слишком-то...

Она умолкла, замерев на пороге домика. Сначала она посмотрела на лица за сеткой, затем туда, где должен был находиться пол.

— Как это здорово, — сказала Карен Опилки, — когда у тебя есть дневной вольер, в котором можно съесть пол.

— И другие животные не обидят, — добавила миссис Опилки.

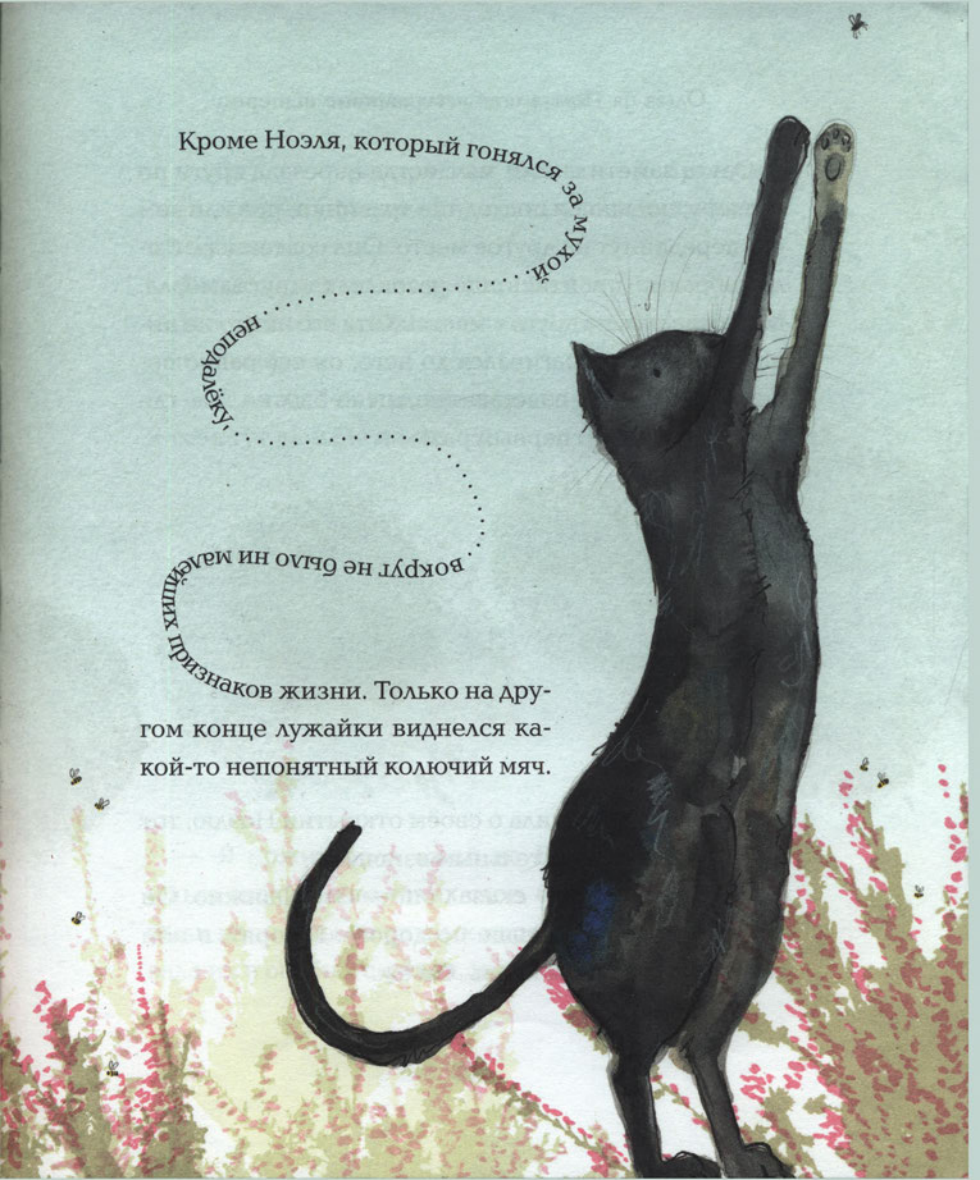
— А ещё это поможет содержать лужайку в порядке, — сказал мистер Опилки. — Если она хорошенько постарается, мне не нужно будет подстригать здесь траву.

Ольга подняла голову. Она была вежливая свинка и понимала, что надо бы поблагодарить за такой подарок. Но слов не находилось.

К тому же она твёрдо верила в старую поговорку своих сородичей, что «листок клевера во рту стоит двух на лугу», и в данный момент её рот был занят пучком особенно сочной травы.

С того дня Ольга бóльшую часть дня проводила на лужайке. Не сказать, что ей вполне удавалось поддерживать газон коротко подстриженным, но это совершенно точно происходило не от недостатка усердия. Да и мистер Опилки, когда стриг лужайку газонокосилкой, всегда оставлял нескошеный уголок специально для Ольги. Каждый день был наполнен солнечным светом и свежей травой, и жизнь, казалось, уже просто не могла стать ещё лучше.

В один из таких замечательных деньков Ольга и познакомилась с Фанжио. День уже клонился к вечеру. Карен Опилки была в каком-то месте, которое называлось «школа», мистер Опилки — в другом месте, которое называлось «работа», а миссис Опилки хлопотала по дому.



Кроме Ноэля, который гонялся за мухой, вокруг не было ни малейших признаков жизни. Только на другом конце лужайки виднелся какой-то непонятный колючий мяч. Далёко, непонятно

Ольга заметила этот мяч, когда нарезáла круги по вольеру, подчищая последние травинки, прежде чем его передвинут на другое место. Она совсем уже было собралась пройтись ещё разок, как вдруг замерла. Мяч оказался на другом месте! Хотя его никто не пинал, даже не дотрагивался до него, он всё равно передвинулся. Мяч совершенно точно был не там, где Ольга видела его первый раз!

Когда она сообщила о своём открытии Ноэлю, тот смерил её снисходительным взглядом.

— Это не мяч, — сказал он. — Это Фанжио. Он живёт в гараже, дальше по дороге. Говорят, в нём течёт аргентинская кровь. Он ёж.

— Ёж? — переспросила Ольга. — С аргентинской кровью? Уиииии! Чего только некоторые не придумают!

Фанжио несколько раз пробежал мимо вольера Ольги, искоса поглядывая на неё, прежде чем наконец заговорил.

— Ты кто? — с подозрением спросил он. — Я тебя тут раньше не видел.

— Я пожиратель ежей из Верхней Бирмы! — Ольга знала много таких слов, большинство из них были написаны на разных коробках. Она использовала их в особых случаях, и сейчас, похоже, был как

раз такой случай. — Уиииииии!!! — завопила она как можно громче и свирепее.

Фанжио бросился прочь и исчез в кустах.

Через некоторое время он вернулся.

— И совсем ты не пожиратель ежей, — заявил он. — Я тут порасспрашивал в округе. Ты морская свинка, которая рассказывает разные истории.

— Иногда, — согласилась Ольга, не прекращая жевать травинку. — Когда у меня подходящее настроение и солнце светит в правильном направлении.

Фанжио задумался.

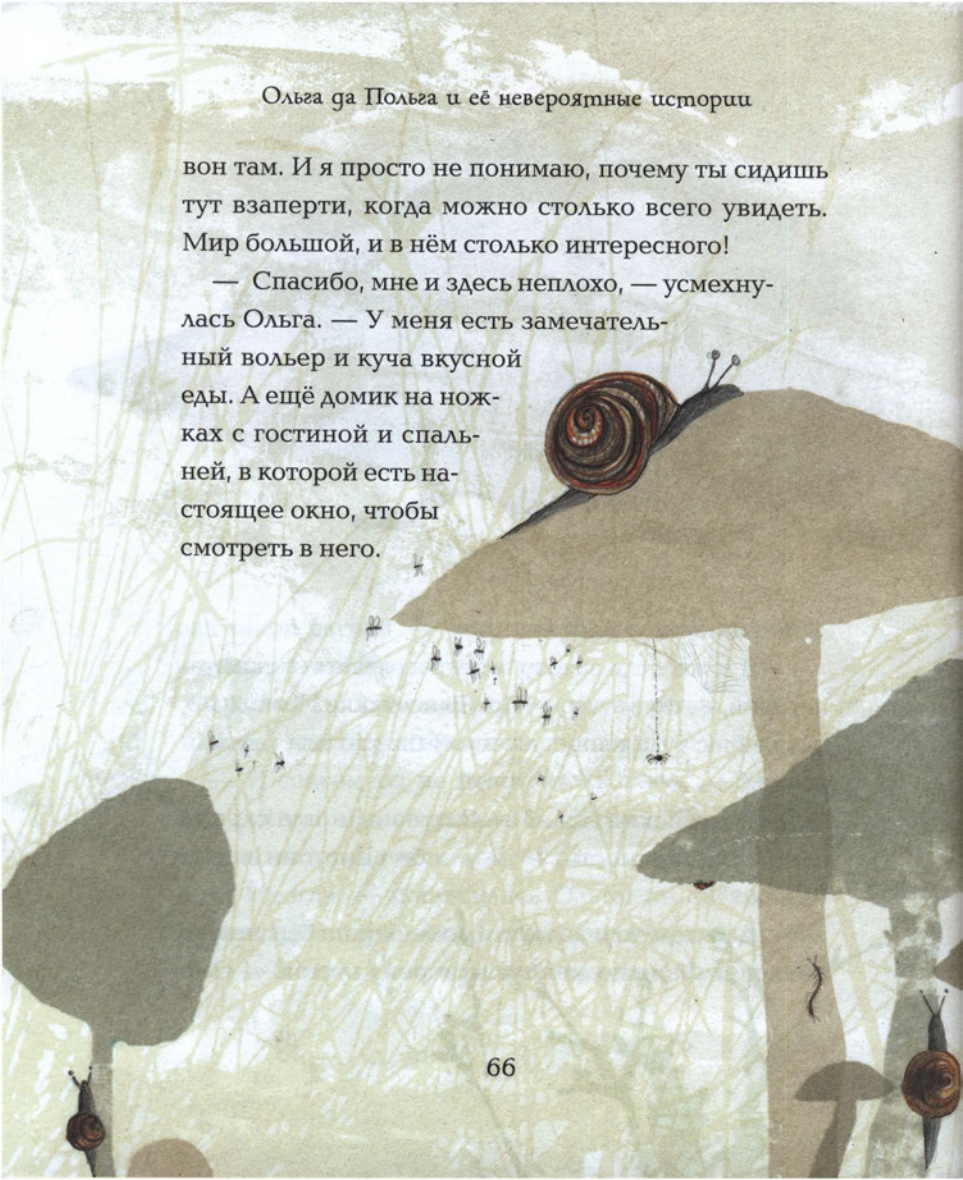
— Я тоже, если захочу, могу рассказать несколько историй, — сказал он. — Про Елисейские Поля. Я как раз сейчас туда направляюсь. Я бываю там каждый вечер.

— Елисейские Поля? — Ольга не смогла скрыть заинтересованность. — А у тебя дома они какие бывают?

— Да в том-то и дело, что дома они не бывают, — объяснил Фанжио, кивнув в сторону кустов. — Они

вон там. И я просто не понимаю, почему ты сидишь тут взаперти, когда можно столько всего увидеть. Мир большой, и в нём столько интересного!

— Спасибо, мне и здесь неплохо, — усмехнулась Ольга. — У меня есть замечательный вольер и куча вкусной еды. А ещё домик на ножках с гостиной и спальней, в которой есть настоящее окно, чтобы смотреть в него.



— А мои окна всегда со мной. — Фанжио помигал глазками-пуговками. — И если бы мне пришлось рассказать, что я через них видел, у тебя бы вся шёрстка встала дыбом.

— Спасибо, но моя шёрстка меня вполне устраивает такой, какая есть, — отрезала Ольга. — А... что именно?

— Деревья, — начал ёж, — кусты, крутые склоны холмов, листья, мусорные кучи, костры, дороги, аллеи, овощи, флора и фауна, мёртвые тушки, зелёные луга, грибы, пруды, ручейки, самый мягкий в мире мох, лужи, неизвестные насекомые, фазаньи яйца, сено, солома, улитки, червяки, укромные уголки, норы в земле... Я мог бы продолжать хоть всю ночь, но у меня столько дел, что просто нет на это времени. На твоём месте я бы сбежал отсюда. Ни за что не хотел бы провести свою жизнь

на побегушках у кого-то. Предпочитаю сам всё решать и делать. Крепко стоять на всех четырёх лапах. Только подумай: вместо того чтобы ждать, пока тебя накормят, ты сможешь делать это сама. Есть что захочется и когда захочется. Не просто так ведь это место называют Елисейскими Полями.

— Меня ещё ни разу не забывали покормить... — засомневалась Ольга.

— Хм, — мрачно ухмыльнулся Фанжио, — ну а если забудут? Что, если однажды их здесь не окажется, а ты останешься запертой в своём домике?

— А там, в этих твоих Полях, очень опасно? — спросила Ольга.

— Опасно? — презрительно фыркнул Фанжио. — Опасно? Да если я только встречу кого-то, кто мне не понравится, я тут же свернусь в клубок и буду ждать,

пока они не уйдут. Хотелось бы посмотреть на того, кто может меня напугать.

— Даже собаки? — удивилась Ольга.

Она как-то видела издалека одну очень большую собаку, которая называлась эльзасской овчаркой и очень-очень не понравилась морской свинке.

— Собаки? — подпрыгнул Фанжио. — Где? Где собаки?

— Огромная собака, — начала Ольга нагнетать атмосферу. — С пеной на морде, с клыками размером с огурец... Если хочешь, я расскажу тебе о ней...

Но Фанжио уже исчез. Двигаясь с удивительной для его размеров скоростью, он нырнул в ближайшие кусты так, словно спасал свою жизнь!

Ольга довольно долго сидела, глядя в одну точку. Она ощущала какое-то странное беспокойство,

и трава, которая так нравилась ей всего несколько минут назад, показалась сухой и безвкусной. Это было неприятное чувство, но избавиться от него никак не удавалось.

— Надеюсь, с Ольгой всё в порядке, — сказала Карен Опилки вечером, посадив свинку в домик. — Она кажется какой-то странной, как сама не своя.

— Не стоит беспокоиться, моя милая, — ответила мама. — Я думаю, что у морских свинок, как и у всех, бывают неудачные дни. Такие, когда хочется от всех убежать и устроить себе выходной.

Она даже не подозревала, насколько права. Хотя в тот момент Ольга никуда не убегала, но совершенно точно подумывала об этом. И, уже засыпая, твёрдо решила устроить себе выходной как можно скорее.

Глава шестая

Ольга берёт выходной

В глубине души Ольга если и предполагала отправиться в путешествие, то уж точно не в ближайшее время. Она была крайне удивлена, когда получила такую возможность уже на следующий день. Как это обычно и бывает, всё получилось совершенно неожиданно, и ей пришлось срочно принимать решение, чтобы не упустить свой шанс.

Когда передвигали вольер, кто-то — Ольга не заметила, кто именно, так как была очень занята, — был небрежен и поставил один из углов клетки на маленькую травяную кочку. И сбоку образовался небольшой зазор. Такого никогда не случалось раньше и, возможно, никогда не случится снова. Так что выбора просто не оставалось — сейчас или никогда.

Как только Ольга осталась одна, она с некоторым трудом, осторожно протиснулась под деревянной планкой и оказалась снаружи вольера. Она немного постояла, успокаивая дыхание. Она дрожала от страха, возбуждения и восторга перед собственной смелостью.

По эту сторону проволочной ограды даже воздух казался другим — свежее, чище. Да, сам воздух был полон предвкушений. Теперь Ольга была готова к ве-

ликому событию, которого так ждала, о котором мечтала. Она была готова к путешествию!

Куда же направиться? Перед ней расстилался весь мир, и было сложно сделать выбор. Прежде всего она забраковала длинную извилистую тропинку, ведущую к дому. Слишком рискованно, кто-нибудь может увидеть.

Недалеко находился огород, манящий соблазнительными листьями салата и капусты, но туда тоже не стоит идти. В огороде иногда работал мистер Опилки, и там свинку тоже легко могут заметить.

Ольга задумалась: а что на её месте сделал бы Фанжио? Куда он там собирался-то? На Елисейские Поля? Должно быть, это где-то неподалёку, раз он отправлялся туда каждый вечер.

Совсем было пересохший рот свинки наполнился слюной в предвкушении ожидающих её вкусностей.

— Уиииии! — запищала она. — Вот это жизнь!

И, не тратя времени попусту, короткими перебежками она бросилась к кустам. Хотя Ольга не призналась бы в этом даже самой себе, кусты её разочаровали. Издалека они казались такими приятными, манили укромными тенистыми уголками, покачивали ветвями, словно призывая путника остановиться и насладиться чудесным отдыхом. Но ничего чудесного там не оказалось. Под густыми ветвями было темно и мрачно, здесь росли только сорняки и колючки, которые, хотя и легко раздвигались, тут же смыкались за спиной, отрезая путь назад.

Чем дальше Ольга шла, тем хуже становилось вокруг. Пропихиваясь, проталкиваясь, перебираясь через лежащие на земле сухие ветки, Ольга забиралась всё глубже и глубже в заросли.

Может, Фанжио мог не обращать на это внимания, он и сам весь в колючках. Колючкой больше, колючкой меньше — какая разница. Но для морской свинки, защищённой только шёрсткой — а Ольга гордилась своей шёрсткой и всегда содержала её в полном порядке, — дело обстояло не лучшим образом.

Она не так уж много и прошла, а вся её шёрстка уже была встрёпана и чем-то перемазана, и, когда впереди забрезжил свет, Ольга боялась даже взглянуть на себя, пугаясь того, что может увидеть.

Наконец, растрёпанная, в царапинах и синяках, она вырвалась из цепких кустов и упала, задыхаясь от усталости и разглядывая открывшуюся перед ней картину.

— Да уж, Елисейские Поля! — с горечью воскликнула Ольга.

Из увиденного следовало, что земным раем для Фанжио являлась обыкновенная мусорная куча, со-

стоящая из старых консервных банок и размокшего картона, от которой сильно пахло костром.

Что же до еды... Парочка грязных стеблей чертополоха и кустик жёсткой крапивы не годились, по мнению Ольги, даже в компост, не говоря уже про блюдо для голодной морской свинки. Глядя на это, Ольга становилась всё мрачнее и мрачнее.

Как раз в этот момент, словно ей мало было уже имеющихся неприятностей, пошёл дождь. Сначала одна капля, затем другая, потом ещё несколько. Динь... динь... динь-динь-динь — стучали они по старым жестянкам. Всё быстрее и сильнее. Тра-та-та-та...

Капли превратились в ливень, ливень — в потоп. Ещё не остывшие угли костра зашипели и кисло завоняли. Куст крапивы согнулся под напором дождя. С деревьев же лились самые настоящие потоки.

Ольга бросилась к ближайшему листу картона и спряталась под ним, дрожа от холода. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой мокрой, такой несчастной, такой...

Рядом послышалось какое-то шуршание, и из-под листьев высунулся знакомый нос.

— Ну как, — поинтересовался Фанжио, — развлекаешься? Веселишься?

— Развлекаешься?! — Ольга с возмущением воззрилась на ежа. — Веселишься? — переспросила она. — Никогда в жизни так не развлекалась! Если это и есть твои Елисейские Поля, то чем скорее я окажусь у себя на лужайке, тем лучше. В жизни не чувствовала себя так... так отвратительно!

— Красота — в глазах смотрящего, — наставительно изрёк Фанжио. — Должен заметить, что в *моих* окошках всё это выглядит просто замечательно.

Ты только представь себе полчища мух и насекомых, которые появятся тут после дождя!

Ольгу передёрнуло от отвращения. Фанжио нравятся насекомые — на здоровье! Но лично у неё нет ни малейшего желания оставаться тут и смотреть на их полчища.

— Мне кажется, — фыркнула она, — что твои окошки неплохо было бы как следует вымыть. Всего хорошего!

— Второй направо! — прокричал ей вслед ёж, когда Ольга решительно направилась к кустам. — Третий налево, потом снова направо. Только смотри не упади в... ох!

Громкое «плюх!» заглушило даже звук дождя.

— Ты должен был предупредить меня! — возмущалась Ольга, выбираясь из наполненной жидкой грязью ямы.

— Я не успел, — попытался оправдаться Фанжио.

— Ох уж эти ежи! — сердито фыркнула Ольга.

Ещё никогда вид её вольера не приносил Ольге такого облегчения. Да и такой радостной встречи ей тоже ещё никогда не устраивали. Судя по восторженным крикам, встретившим её появление, похоже, искали Ольгу всей улицей.

«Как хорошо снова оказаться дома, — думала она. — Ума не приложу, как мне пришла в голову идея уйти отсюда».

— Ну где же ты была? — чуть не плакала Карен Опилки, прижимая свою любимицу к груди. — Мы с ног сбились, везде тебя искали.

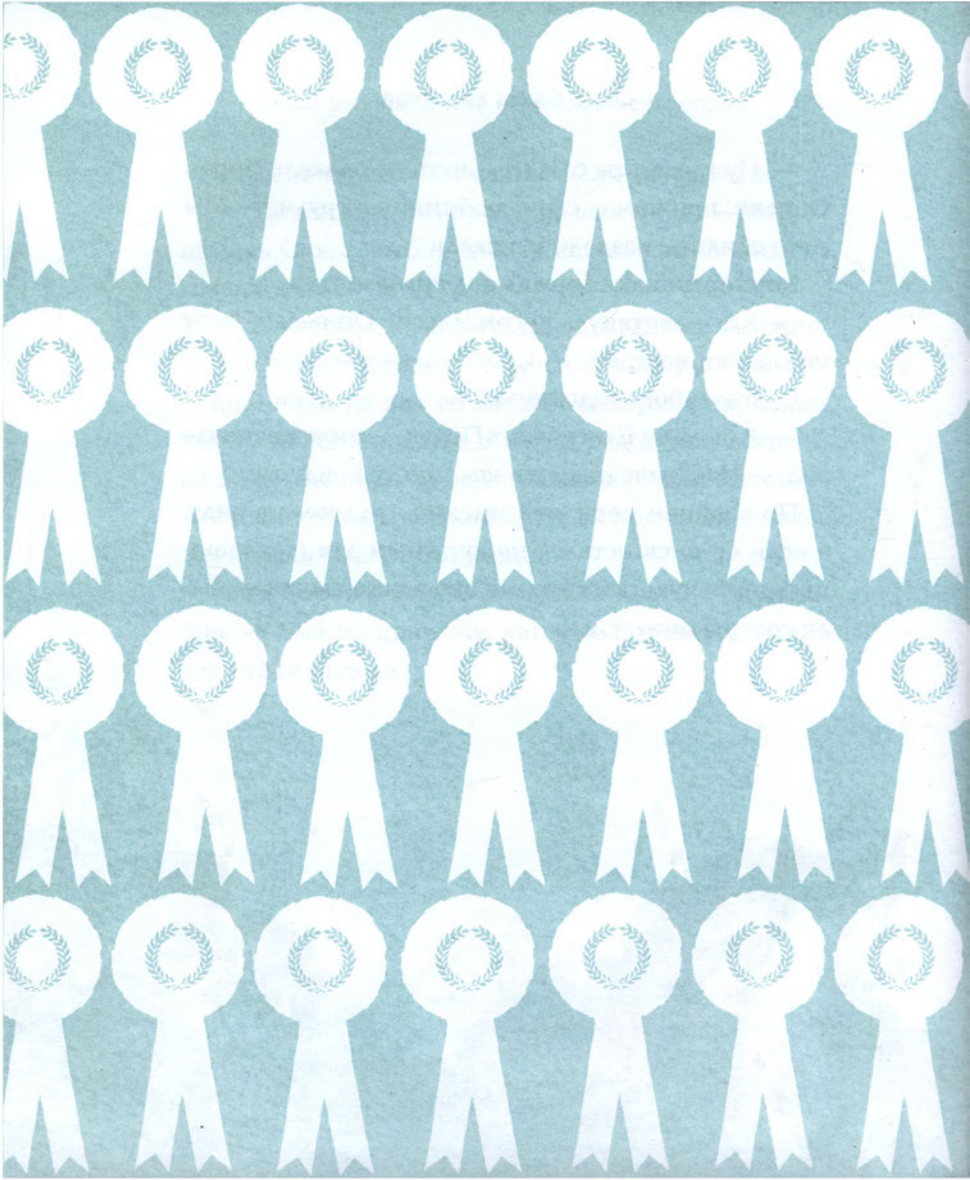
Мистер Опилки держал над ними зонтик.

— Хм, — потянула носом миссис Опилки, — а от неё пахнет костром.

Ольга глубоко вздохнула.

— Я была на Елисейских Полях, — тихо пискнула она. — И больше никогда, *никогда* не пойду туда!

По крайней мере, она именно это имела в виду, а если её писк остался непонятным для окружающих, то те чувства, которые она в него вложила, были совершенно ясны.

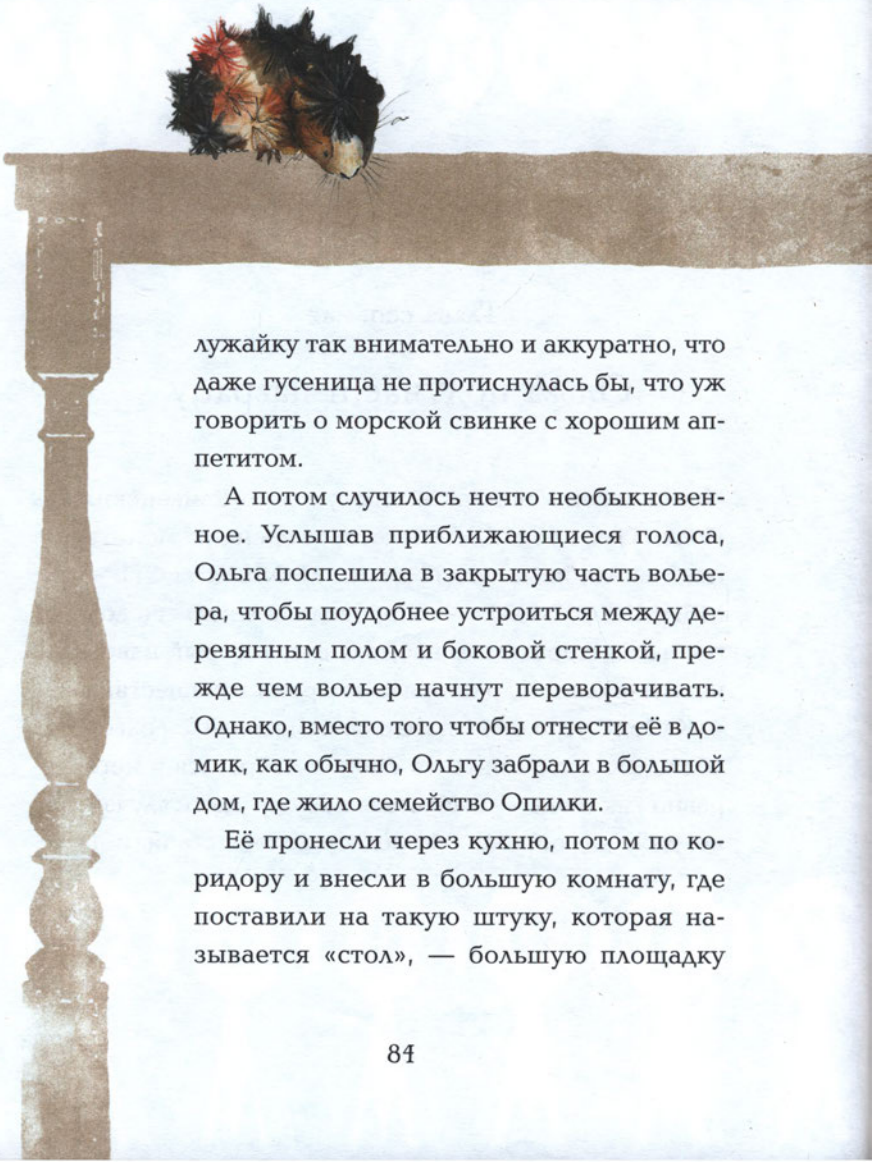


Глава седьмая

Ольга получает награду

После своей кошмарной прогулки по Елисейским Полям Ольга решила на некоторое время угомониться. Она изобрела новый девиз: «БОЛЬШЕ ЕСТЬ — МЕНЬШЕ ДУМАТЬ» — и проводила в вольере долгие часы, старательно набирая вес, который наверняка изрядно подрастеряла за время путешествия.

Каждое утро она тщательно осматривала вольер, убеждаясь, что никто не сможет забраться в него, равно как и она — выбраться наружу. Даже случайно, даже по ошибке. Но вольер теперь ставили на



лужайку так внимательно и аккуратно, что даже гусеница не протиснулась бы, что уж говорить о морской свинке с хорошим аппетитом.

А потом случилось нечто необыкновенное. Услышав приближающиеся голоса, Ольга поспешила в закрытую часть вольера, чтобы поудобнее устроиться между деревянным полом и боковой стенкой, прежде чем вольер начнут переворачивать. Однако, вместо того чтобы отнести её в домик, как обычно, Ольгу забрали в большой дом, где жило семейство Опилки.

Её пронесли через кухню, потом по коридору и внесли в большую комнату, где поставили на такую штуку, которая называется «стол», — большую площадку

из скользкого дерева, высоко над землёй и БЕЗ ВСЯКОГО ОГРАЖДЕНИЯ.

Всё это Ольга знала, потому что Карен Опилки, которая несла её на руках, по дороге всё объясняла своей любимице.

Свинка сидела тихо, почти не шевелясь, пока все собравшиеся вокруг внимательно рассматривали её, а потом начали её толкать, тыкать и даже — какое оскорбление — ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ ВНИЗ ГОЛОВОЙ!

Ольга была возмущена. Интересно, думала она, а как бы им самим понравилось, если бы кто-нибудь вдруг перевернул *их самих* вниз головой? Некрасиво так делать, совсем некрасиво. И она слегка прикусила руку, которая держала её в этот момент.

После этого наша героиня сразу почувствовала себя лучше. Нет, это не был настоящий укус, но достаточно сильный, чтобы оставить след и показать, что́ она думает о происходящем.

Потом было ещё хуже. На неё опустилось что-то большое, похожее... похожее... Ольга изо всех сил пыталась вспомнить, что ей напоминает эта штука. Ёж! Вот что это! Странный предмет был очень похож на ежа. На секунду Ольге показалось, что это Фанжио, который решил присоединиться к общей атаке на неё. Свинка принялась отчаянно вырываться, пытаясь избежать такого надругательства над своей персоной.

— Ну что ты, Ольга, перестань, успокойся, — уговаривала её Карен, крепко держа свинку в руках. — Если ты поедешь на выставку, ты должна быть хорошо причёсана. Ты же хочешь выглядеть как можно лучше, правда?

Ольга почувствовала, что сердце замерло на мгновение.

— Поеду на выставку? Я? На выставку?

О выставках она слышала от других морских свинок, которые заходили к ней в гости. Некоторые из

её друзей даже были знакомы с морскими свинками, которым там довелось побывать. А один, по имени Чарльз, хвастался, что его дальний родственник однажды выиграл там какой-то приз. Но поскольку никто, в том числе и сам Чарльз, не был лично знаком с этим родственником, историю сочли выдумкой чистой воды.

И теперь, когда ей всё объяснили, это было совсем другое дело. Ольга быстро взяла себя в лапки и позволила щётке гулять по своей шёрстке. На самом деле это оказалось вовсе даже не плохо. Немножко щекотно, но весьма приятно, особенно в тех местах, где чешется.

«Вот подождите, когда мы встретимся... — думала она, вспоминая о своих прежних друзьях. — Подождите, я вам столько всего расскажу!»

Ольга вернулась в свой дом только вечером, аккуратно причёсанная и очень важная — ведь ей даже в голову не приходило, что она может не получить приз. Не то чтобы она была слишком тщеславной или хвастливой или обладала излишним самомнением. Просто такая мысль не приходила ей в голову.

С того момента, как она узнала о своём участии в выставке, Ольга не могла больше думать ни о чём другом.

— Меня записали на выставку, — сообщала она всем, кто оказывался рядом.

В её устах это звучало так весомо, что даже Ноэль начал проявлять по отношению к ней необычное уважение.

А ещё так много нужно было сделать! Ольгу не беспокоило, куда она поставит свою награду — а та ведь могла оказаться очень большой, — морскую свинку тревожила её диета.

— Я должна поддержать свой организм, — размышляла она. — Необходимо есть как можно больше. Нет ничего хорошего в том, чтобы выглядеть костлявой.

И она ела, не закрывая рта. Траву, одуванчики, крестовник, клевер, кукурузные хлопья — особенно кукурузные хлопья, хотя обычно она получала их только по воскресеньям, — овёс. Всё, что оказывалось в пределах досягаемости, мгновенно исчезало у неё во рту.

И каждый день её шёрстку расчёсывали до тех пор, пока она не начинала блестеть, как стол, на котором Ольга сидела.

И вот наконец этот день наступил. Ольга проснулась рано, и после того, как её последний раз причесали, пригладили, вымыли лапки, она отправилась в путь.

Мистер Опилки смастерил специальную переносную клетку из старого почтового ящика, когда-то висевшего на дверях дома. На передней стенке синего ящика большими белыми буквами было написано: ОЛЬГА ДА ПОЛЬГА.

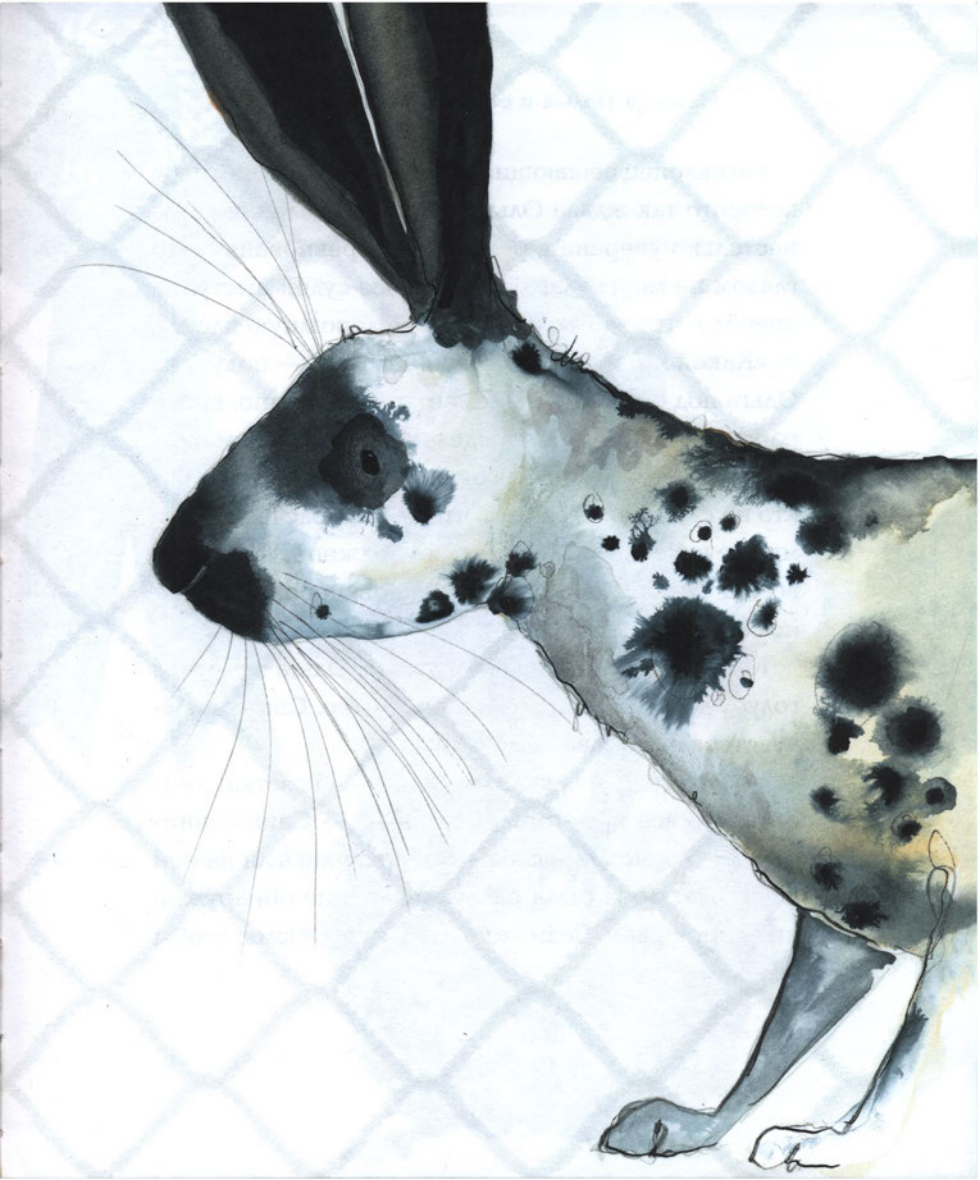
— Самое глупое в этих выставках то, что приходится ждать, — делилась своими соображениями Ольга со скучающим в соседней клетке кроликом. — Я хочу сказать, они вполне могли бы сразу вручить награду и все пошли бы домой, вместо того чтобы слоняться тут без толку.

Она была права: множество людей подходили, смотрели на неё и снова уходили. Некоторые что-то писали на листках бумаги. Другие просто разговаривали. Потом её вытащили из клетки и поставили на какую-то штуку, называвшуюся «весы». Совер-

шенно непонятно зачем. После этого было много хмыканья и непонятного бормотания, снова что-то говорили и записывали.

— Всё болтают и болтают, — с раздражением произнесла Ольга. — Да когда же они наконец займутся делом?

— Ты уже должна была бы знать, что люди *всегда* разговаривают, — отозвался кролик, который тоже начал проявлять признаки нетерпения. — Они даже ямку в земле не могут выкопать без того, чтобы не поговорить об этом. Не то что мы, кролики.



Но наконец решающий момент настал. Тот самый, которого так ждала Ольга. На самом деле она была настолько уверена в результате соревнования, что глазом не моргнула, когда один из судей выступил вперёд и что-то прикрепил на её дорожную клетку.

«Какой приятный и умный человек, — подумала Ольга под общие аплодисменты. — Конечно, выбора у него не было, но проделал он это очень мило... Конечно, — размышляла она по дороге домой, — никто не станет утверждать, что всё это расчёсывание мне не помогло. Надо отдать им должное. Но порода всегда чувствуется. В конце концов, порода всё равно себя покажет».

Когда её пересаживали в домик, Ольга заметила голубую розетку на дорожной клетке. Свинка расчувствовалась едва не до слёз.

— Розетка! — воскликнула она. — Розетка! Уии-иии! Это всё та история о принце! — Свинка внимательно осмотрела себя — не появились ли на ней ещё розетки. И была разочарована, не обнаружив ни одной новой. Возможно, им нужно время, чтобы вырасти.

И только услышав что-то странное в голосе Карен, когда та осторожно опустила свинку на солому, Ольга ощутила укол сомнения.

— Нет, ну вы только подумайте! — хихикнула Карен. — Я слышала о премиях за самый длинный мех, за самую гладкую шёрстку. Я даже видела приз за самые длинные усы... но твоя премия... — Со смехом девочка закрыла дверцу. — Так тебе и надо, обжора!

Несколько минут Ольга сидела в глубокой задумчивости. Что бы это могло значить? «Я — *обжора*?» Что же за приз она выиграла? Ольга скосила глаза, чтобы увидеть в окно розетку, по-прежнему висящую на дорожной клетке, и кусочек картона под ней.

Читать написанное вверх ногами никогда не было её сильной стороной, хотя когда-то — теперь уже казалось, сто лет назад — она сумела написать своё имя на полу, когда в семье Опилки шли бурные обсуждения, как её назвать. Новые слова оказались гораздо труднее, и надпись на картонке пришлось читать намного дольше.

Это была большая надпись на очень маленькой картонке, особенно для столь неопытного читателя. Но вот наконец...

ОЛЬГА ДА ПОЛЬГА ПОЛУЧАЕТ ПРИЗ КАК САМАЯ ТОЛСТАЯ МОРСКАЯ СВИНКА НА ВЫСТАВКЕ

Ольга была так возмущена, что не сразу смогла поверить собственным глазам.

Следует признать, этот приз излечил её от прожорливости хотя бы на какое-то время.

Глава восьмая

Ольга распускает слухи

На следующее утро Ольга едва решилась высунуть нос из домика. Однако приз есть приз; за что бы ни была получена награда, это, конечно, гораздо лучше, чем отсутствие какой-либо награды. И всего через часок-другой в вольере Ольга уже была в полном порядке. «Нет ничего лучше солнышка, чтобы отвлечься от грустных мыслей, — думала она. — Ну и ещё, пожалуй, выспаться как следует».

Она несколько раз хорошенько поспала, частично чтобы избежать неудобных вопросов о выставке, частично оттого, что волнение предыдущего дня оставило её совершенно без сил.

Во всяком случае, очень скоро Ольгу поглотили другие размышления. Они в основном были связаны с круглым, похожим на камень существом по имени Грэм.

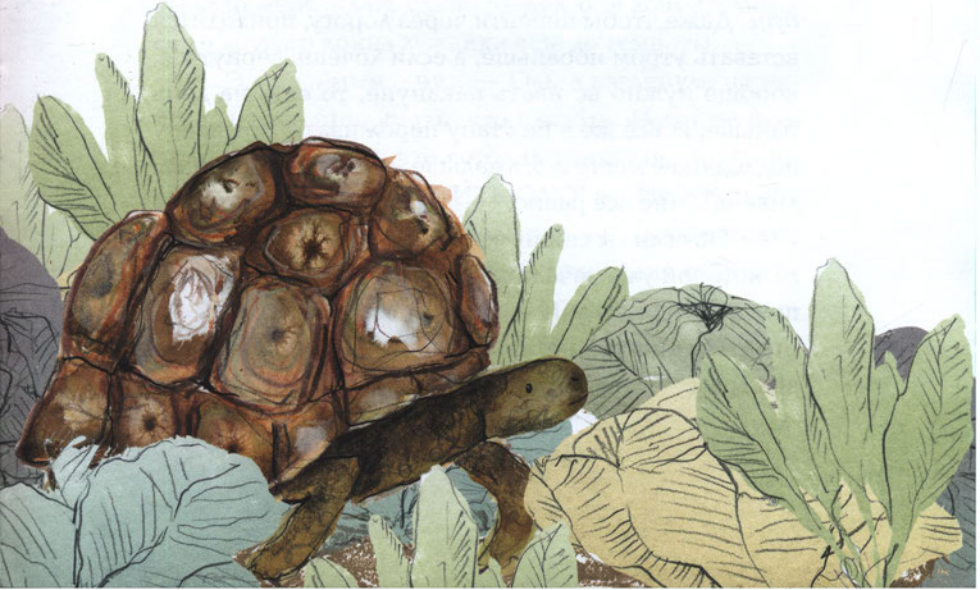
Грэмом звали черепаху, и, хотя он и был личностью известной, видели его довольно редко — уж слишком медленно он передвигался.

Впервые Ольга заметила его однажды утром, когда он пробирался по грядке с салатом. Но двигался Грэм неспешно, время от времени подкрепляясь свежими листьями, останавливаясь отдохнуть, и лишь к полудню поравнялся с вольером.

— А куда ты идёшь? — поинтересовалась Ольга, после того как они обменялись приветствиями.

Новый знакомый имел такой решительный и сосредоточенный вид, что сразу становилось понятно — он занят каким-то весьма важным делом.

— Я готовлюсь впасть в спячку, — объяснил Грэм. — Мы, черепахи, делаем это каждый год. Проспать всю зиму — вот решение проблемы. Не надо думать, как согреться. Нет ничего лучше, чем уютно дремать под листьями. Снег, дождь, мороз — да что угодно! — меня совершенно не касаются.



Ольга посмотрела на Грэма, потом взглянула на небо. Хотя за утро там и появились одно-два облачка, которые сейчас бросали тень на лужайку, погода не казалась *слишком* ужасной.

— Ливень, — сказал Грэм. — Подумаешь! Гром... молния...

— А ты не очень торопишься? — перебила его Ольга. — То есть, я хочу сказать, до той зимы ещё жить и жить.

— Если ты черепаха, — медленно произнёс Грэм, — тебе следует начинать пораньше. Так много времени нужно, чтобы добраться *хоть куда-нибудь*. Даже чтобы перейти через дорогу, приходится вставать утром пораньше, а если хочешь вернуться, вообще нужно вставать накануне, то есть на день раньше. И всё же я не стану переживать. Вот найду подходящее местечко, а дальше — буря... изморось... ливень... мне всё равно.

— Но если ты спишь всю зиму, — настаивала Ольга, которой уже начали надоедать эти разговоры про погоду, — как ты узнаёшь о том, что происходит?

— Ничего тут не происходит, — мрачно возразил Грэм. — Это ещё одно, что ты начинаешь пони-

мать, если ты черепаха. Осенью засыпаешь, а весной проснёшься — всё то же самое. Никогда ничего не меняется.

— Никогда ничего не меняется? — Ольга не верила своим ушам. — *Никогда ничего не меняется?!* — воскликнула она. — Да всё время что-то меняется.

— Назови хоть одну вещь... — сказал Грэм, — хоть одну вещь, которая изменилась сегодня утром.

Ольга оглядела сад, впервые в жизни не найдя слов.

— Ну, — подначил её Грэм. — Я жду. Но не заставляй меня ждать слишком долго. Я хочу добраться до другого конца лужайки ещё до темноты.

— Э... да... ммм... ну... — Ольга взглянула на небо, пытаясь придумать, что сказать. И тут её осенило. Она поняла, что сегодня самый подходящий денёк, чтобы РАСПУСТИТЬ СЛУХ. — Не хочу тебя пугать, — осторожно начала она, — но ты сегодня ничего странного не заметил в поведении солнца?

— Солнца? — не понял Грэм. Он медленно повернул голову и посмотрел наверх. — Но я не вижу никакого солнца.

— Да, не видишь. — Ольга бросила быстрый взгляд на небо, чтобы убедиться, что его по-прежнему закрывают облака. — И не увидишь. Она придвинулась поближе к черепахе. — Оно поменялось местами с луной! — прошептала свинка. — Сегодня оно встало не с той стороны. Вместо того чтобы, как обычно, взойти на востоке, оно взошло на западе!

Какое-то время Грэм переваривал информацию, потом нервно сглотнул.

— Если такие вещи происходят, пока я не вижу, — объявил он, — я даже рад, что впадаю в спячку.

И, даже не попрощавшись, поспешил прочь со всех ног, чтобы ещё до вечера исчезнуть в кустах.

Ольга уже почти забыла об этой истории, но спустя какое-то время по лужайке промчался Фанжио, со сверкающими от волнения глазами и с иголками, стоящими дыбом, как у дикобраза.

— Ты слышала? — Ёж задыхался от быстрого бега. — Нет, ты слышала? Что-то случилось с солнцем. Оно повернулось другой стороной!

Ольга даже ухом не повела.

— Расскажи что-нибудь новенькое, — лениво отозвалась она.

— А ещё я слышал, что кто-то вытащил затычку из Северного моря, да-да! Вся вода вылилась, и Земля перевернулась!

— Да неужели? — зевнула Ольга. — Как интересно!

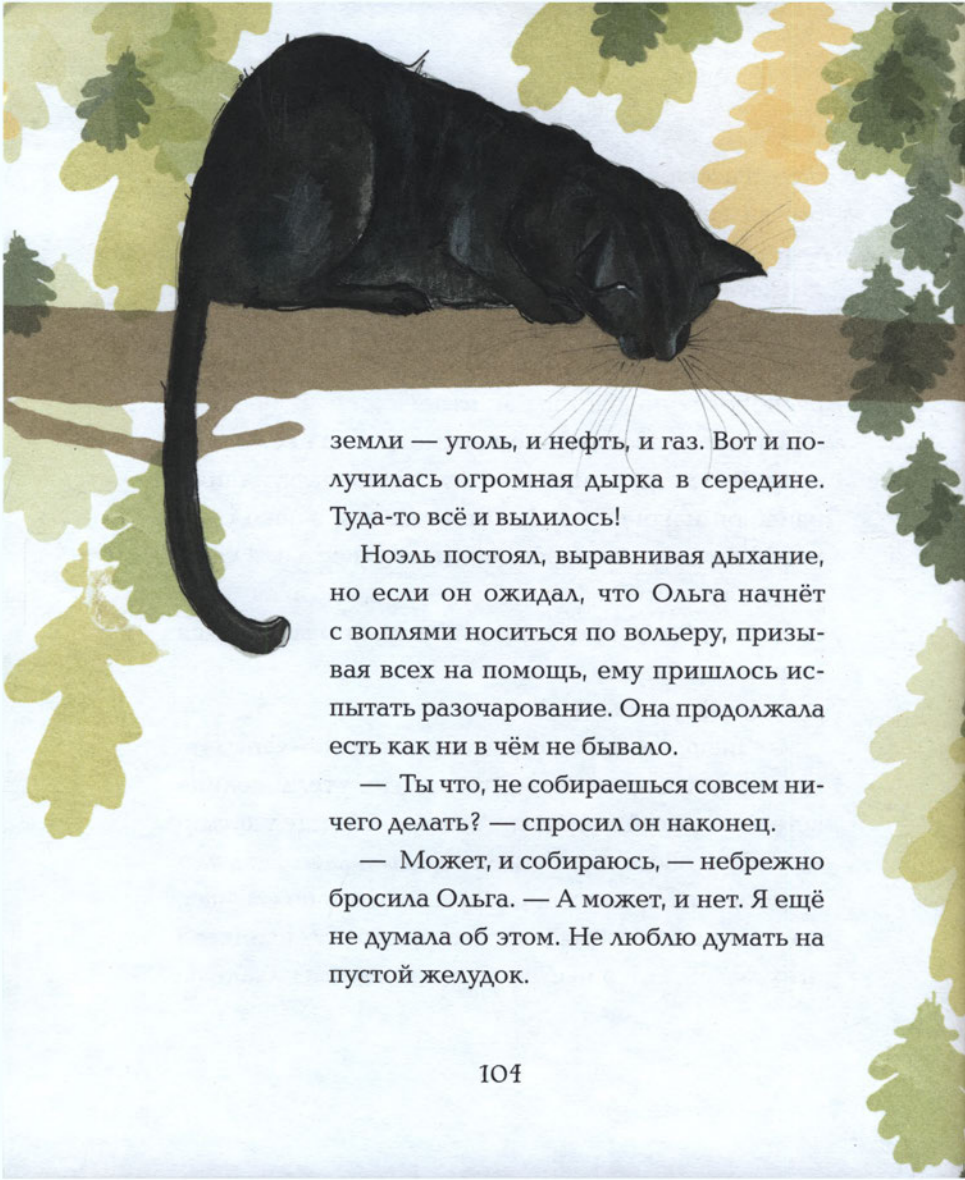
Фанжио с восхищением посмотрел на неё.

— Ты так спокойно к этому относишься, — произнёс он наконец. — Должен сказать, в такой момент мне бы не хотелось оказаться запертым в клетке. Ну, я пошёл.

И без долгих разговоров Фанжио развернулся и бросился бежать.

Следующим был Ноэль.

— Знаю, что ты этому не поверишь, — запыхавшись, проговорил он, — но сегодня утром солнце встало с другой стороны. А кто-то вытащил затычку из Северного моря, и вся вода вылилась. Раздался кошмарный булькающий звук. Я лично не слышал, но, говорят, это было просто ужасно. А всё из-за этих людей. Это они столько лет всё вытаскивали из

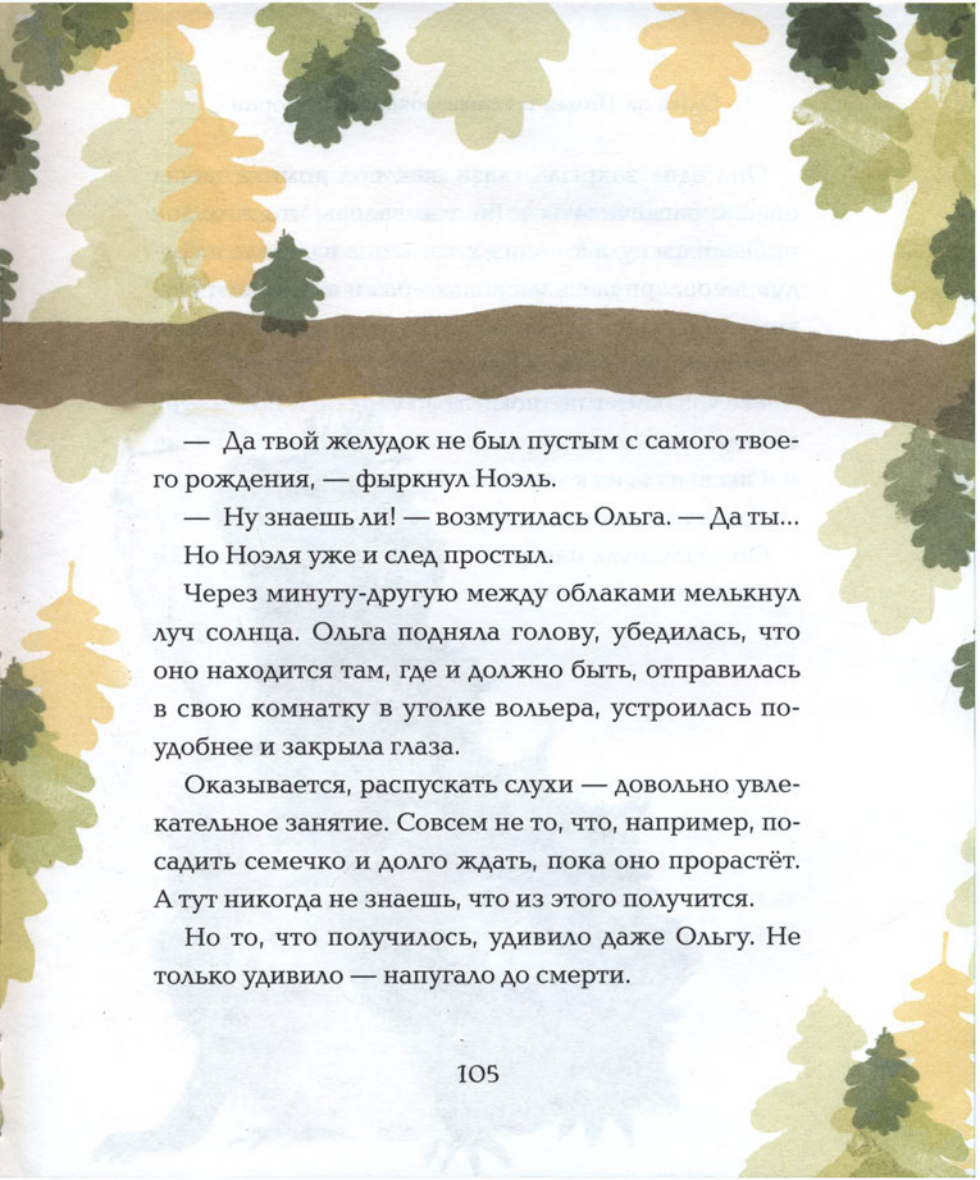


земли — уголь, и нефть, и газ. Вот и получилась огромная дырка в середине. Туда-то всё и вылилось!

Ноэль постоял, выравнивая дыхание, но если он ожидал, что Ольга начнёт с воплями носиться по вольеру, призывая всех на помощь, ему пришлось испытать разочарование. Она продолжала есть как ни в чём не бывало.

— Ты что, не собираешься совсем ничего делать? — спросил он наконец.

— Может, и собираюсь, — небрежно бросила Ольга. — А может, и нет. Я ещё не думала об этом. Не люблю думать на пустой желудок.



— Да твой желудок не был пустым с самого твоего рождения, — фыркнул Ноэль.

— Ну знаешь ли! — возмутилась Ольга. — Да ты...

Но Ноэля уже и след простыл.

Через минуту-другую между облаками мелькнул луч солнца. Ольга подняла голову, убедилась, что оно находится там, где и должно быть, отправилась в свою комнатку в уголке вольера, устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Оказывается, распускать слухи — довольно увлекательное занятие. Совсем не то, что, например, посадить семечко и долго ждать, пока оно прорастёт. А тут никогда не знаешь, что из этого получится.

Но то, что получилось, удивило даже Ольгу. Не только удивило — напугало до смерти.

Она едва закрыла глаза, как пол домика начал опасно раскачиваться. Ей показалось, что желудок провалился куда-то вниз, а сама она взлетела в воздух, перевернулась несколько раз и с громким стуком шлёпнулась на землю. Ольга открыла глаза, чтобы понять, что происходит.

Всё казалось в полном порядке.

Она вышла из комнатки.

Трава на месте.

Она взглянула наверх.

Солнце...

Она испуганно взвизгнула.

Солнце! *Солнце поменяло своё место на небе!*

Когда она уходила к себе, оно было справа. Оно совершенно точно было справа. А теперь... теперь оно было слева от неё!

— Помогите! — завопила Ольга. — Уиииии! Спасите меня! Я не хочу быть не с той стороны! Мужчины к помпам! Женщины и морские свинки садятся в шлюпки первыми! Ну то есть... морские свинки и женщины! Помогите! Спасите меня! Уиииииииииииииии!

И с долгим жалобным стоном она повалилась в обморок прямо на траву.

— Что случилось?

— Ольга, очнись!

— Вот умница!

Привлечённое шумом, всё семейство Опилки прибежало утешать и успокаивать её. Но ничего не помогало. Ольга лежала на земле с закрытыми глазами и тряслась. Лапки были как ватные и совсем не держали её. И до конца дня, кто бы ей что ни говорил, свинка даже не шелохнулась.

— Не понимаю, что сегодня случилось с животными, — недоумевала миссис Опилки тем вечером. — Ноэль сидит на дереве и категорически отказывается слезать. Фанжио носится как ошпаренный, и я никогда не видела, чтобы Грэм двигался так быстро. И у соседей то же самое. Животные словно обезумели, что твой Мартовский Заяц[1].

— А Ольга...

---

[1] *Мартовский Заяц*, или, как его ещё называют, Сумасшедший Мартовский Заяц, — персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

— С Ольгой всё как-то странно, — вмешалась Карен. — Она одна вела себя нормально — до тех пор, пока её вольер не переставили на другую сторону. Что бы это могло быть?

Но ответа так никто и не узнал, а на следующий день всё было как обычно. Ноэль спустился с дерева, Фанжио снова отправился на охоту за насекомыми, Грэм продолжил поиски места, где можно спокойно провести зиму, а все остальные животные в окрестностях занялись своими делами и со временем забыли о случившемся.

Но для тех, кто умеет видеть такие вещи, было заметно, что многие из них то и дело как-то странно поглядывали на небо, а одна морская свинка вела себя гораздо тише, чем обычно.

И если и были какие-то слухи, почему она так себя ведёт, то их уж точно распускала не Ольга. Она раз и навсегда излечилась от желания распускать слухи.

Глава девятая

Ольга и Суррейская Пума

Однажды в конце осени в доме семейства Опилки началась какая-то суета.

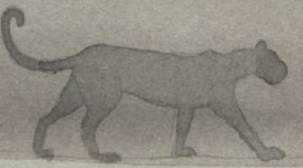
Ольга навострила ушки, стараясь поймать обрывки разговоров, доносившихся из кухонного окна. Похоже, всей семье неожиданно понадобилось уехать, и не на один день, а на все выходные. С вечера пятницы до утра воскресенья.

Договорились, что за Ноэлем присмотрит соседка, но с Ольгой возникли проблемы — что-то связанное со временем года и нехваткой травы; что-то непонятное, именуемое «нельзя навязывать людям» (Ольга понятия не имела, о чём речь); и СУРРЕЙСКАЯ ПУМА.

Шёл разговор о том, чтобы оставить Ольге очень большой запас еды и попросить кого-нибудь заходить проверять, всё ли с ней в порядке, но, похоже, все были уверены, что еда будет слопана немедленно. А уж когда был поднят вопрос о Суррейской Пуме, все согласились, что оставлять морскую свинку нельзя и придётся брать её с собой к родственникам.

Ольга с облегчением услышала об этом, потому что разговор о Суррейской Пуме ей совершенно не понравился. Уже несколько месяцев ходили слухи о каком-то странном животном, которое ночью бродит по окрестностям, убивая овец, кур и всё, что попадётся.

Похоже, никто толком не знал, что это за животное, и чем дольше оно оставалось на свободе, тем, по рассказам очевидцев, крупнее становилось. Ходили слухи, что из какого-то частного зоопарка сбежала молодая пума и совершенно одичала, бегая на сво-



боде в английском графстве Суррей, так что в конце концов неизвестный зверь получил название Суррейская Пума.

Существовала она на самом деле или нет — вопрос спорный, но многие, живущие поблизости, стали на ночь запирать своих питомцев дома.

Ноэль был одним из немногих исключений. В кухонной двери у него было собственное окошко, и он привык приходить и уходить когда пожелает. Мистер Опилки попробовал забаррикадировать кошачью дверку, но Ноэль устроил такой скандал, что на него махнули рукой. Хотя стало заметно, что он не проводит в саду так много времени, как раньше.

Вечером накануне отъезда Ольга легла спать в большом волнении. Она никогда прежде не отправлялась куда-нибудь на выходные, а когда услышала, что родственники, к которым они едут, — это бабушка и дедушка, её радости не было предела. Ольгу так взволновала одна только мысль о предсто-

ящем путешествии, что она ни с кем не попрощалась и с восторженным писком носилась по своему домику, пока его устраивали в багажнике.

Её надежды оправдались. С самого момента прибытия стало ясно, что дедушка Опилки очень серьёзно отнёсся к возложенной на него задаче. Весь первый день не проходило и часа, чтобы он не появился у Ольги с какой-то новой вкуснятиной. Охапка травы, которой уже было не видать окрест, морковка-другая, стручки фасоли, ветки крестовника и одуванчики. Одному Богу известно, где дедушка это добывал, потому что всё вокруг пожелтело и засохло уже давным-давно.

Ольга быстро расправлялась со всеми подношениями — ведь невежливо оставлять несъеденными лакомства, которые для тебя добывали с таким трудом. Однако к концу дня даже она была вынуждена признать, что есть так много хоть и приятно, но неразумно.

— Я бы с удовольствием оставил тебя у нас на недельку, — сказал дедушка Опилки, когда уже поздно вечером принёс ей очередное угощение.

— А я бы с удовольствием осталась здесь на две недельки, — радостно вздохнула Ольга, снова принимаясь за еду.

Хотя, честно говоря, к этому времени её живот был так набит, что она с большим трудом доползла из столовой до спальни, не в состоянии не то что попрощаться, но даже просто открыть глаза.

Выспаться как следует тоже не получилось. Спать мешал не только переполненный животик, но и какие-то кошмары. Ольге снилось, что она находится в чащобе какого-то огромного леса из колючего чертополоха и должна прогрызть для себя выход оттуда; что за ней гонится какое-то чудовищное животное со светящимися глазами и острыми как бритва зубами; что она завязла в болоте и не может даже пошевелить лапкой...

Ольга не знала, сколько всё это продолжалось — казалось, много часов, — но вдруг резко проснулась и почувствовала, *что возле её домика кто-то есть*!

Она затаила дыхание, услышав, что кто-то громко скребётся у неё над головой, а потом застыла от ужаса, увидев в лунном свете чёрный силуэт какого-то животного, заглядывавшего в её окно.

Ольга зажмурилась и завопила от ужаса.

— Уиииииииииииии! — отчаянно верещала она. — Это Суррейская Пума! Уиииии! Уиииииииииииии! Уиииииииииииииииии!

Она вопила так громко и так долго, что в доме зажёгся свет, сначала с одной комнате, потом в другой, а спустя несколько секунд распахнулась входная дверь.

Открыв глаза, Ольга, к своему облегчению, обнаружила, что животное исчезло, и без сил упала в руки дедушки Опилки, который пришёл ей на помощь, открыл дверцу и вытащил свинку наружу.

«Хорошо, что я пищала так громко и отпугнула этого зверя, — думала она. Теперь, когда её несли в дом, она чувствовала себя гораздо храбрее. — Иначе мне пришёл бы конец. И очень неприятный!»

* * *

Авторитет Ольги неизмеримо возрос, когда после выходных она вернулась домой и рассказала остальным о своей встрече с Суррейской Пумой. Животные со всей округи приходили послушать эту исто-

рию из её собственных уст, и Ольга охотно удовлетворяла их любопытство.

Количество слушателей росло, и пума с каждым разом всё прибавляла в размере. Сначала она была большая, как сенбернар, потом стала ростом с лошадь, свирепой, как лев, быстроногой, как газель, и сильной, как медведь-гризли.

Свой рассказ Ольга сопровождала рычанием, мало похожим на её обычный пронзительный писк. Он начинался где-то глубоко внутри, несколько раз прокатывался эхом в животе и к тому времени, когда добирался до горла, звучал просто устрашающе.

Сидящие вокруг Ольги звери, затаив дыхание, слушали, как она своим рычанием обратила противника в бегство.

— Я не утверждаю, что она была размером со слона, — заметила свинка, не погрешив против истины, поскольку понимала, что нужно где-то остановиться. — С другой стороны, я не утверждаю и обратного.

Фанжио испуганно вздрогнул.

— Хорошо, что у меня иголки, — пробормотал он.

Ольга снисходительно посмотрела на ежа.

— Возможно, они и смогли бы помочь, — сказала она. — Но если ты не умеешь ещё и рычать, толку от них немного.

И чтобы пояснить свою мысль, она прижалась мордочкой к дверям и издала такое устрашающее рычание, что все животные бросились врассыпную и исчезли в ночи так, словно за ними гналась тысяча разъярённых демонов.

Все, кроме Ноэля.

Для пущей безопасности он устроился на крыше домика Ольги, а теперь свесился вниз и с интересом смотрел на неё.

— Вероятно, пума приходила уже после меня, — предположил он.

Ольга, которой после долгого рассказа было просто необходимо подкрепиться, оторвалась от кормушки и подняла голову. На мордочке у неё появилось странное выражение — в силуэте над её головой было что-то очень знакомое.

— Я отправился за вами вслед специально, чтобы повидаться с тобой, — объяснил кот. — Мне было совсем скучно, всех на ночь разбирали по домам,

и я подумал, что ты не будешь возражать против моей компании. Я поскрёб по крыше, пытался тебя разбудить, но тебе, видимо, снились кошмары. Ты издавала такой смешной писк. А потом загорелись огни, и я пошёл домой.

Ноэль задумчиво посмотрел на Ольгу.

— После того, что ты рассказала, я даже рад, что не остался там, — сказал он. — Хотя был бы не против разок взглянуть на эту пуму. Расскажи мне про неё побольше.

Ольга нервно сглотнула.

— Я... э-э... ну-у, вообще-то, там особо не о чем рассказывать, — выдавила она наконец. — Может, я немного и преувеличила. К слову, пумы довольно похожи на кошек. Видел одну — видел всех. И к тому же, — решительно добавила она, — у меня начинает болеть горло. Наверное, оттого, что мне пришлось рычать.

Глава десятая

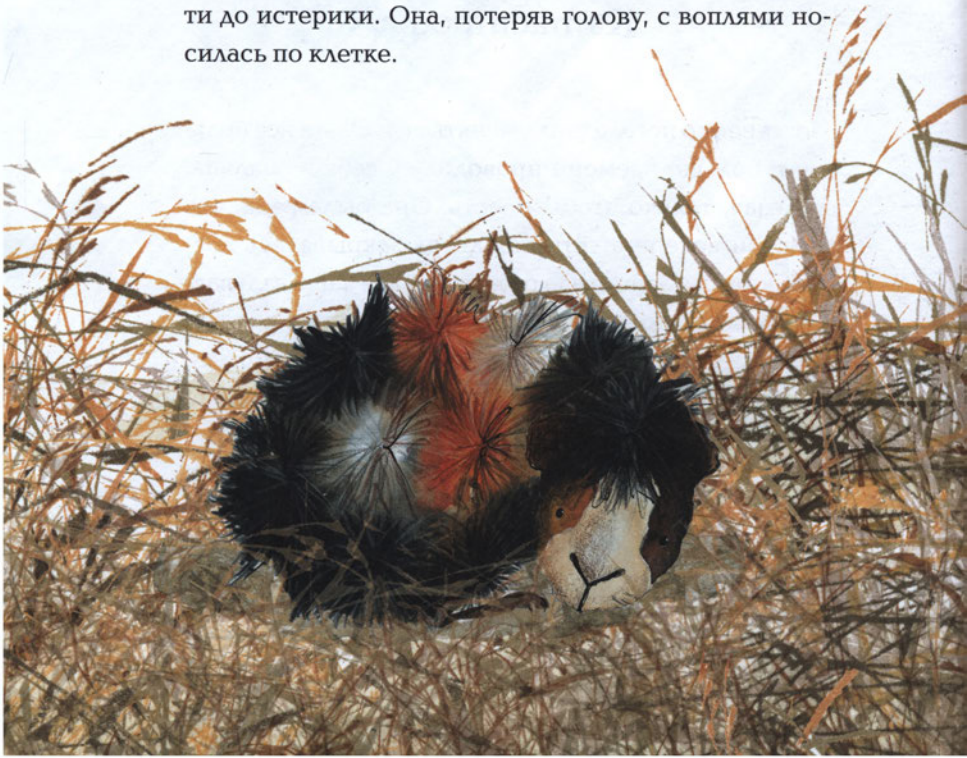
Катастрофа

Постепенно погода стала меняться, и Ольга всё больше и больше времени проводила у себя в спальне, вылезая, только чтобы поесть. Она была рада, что каждый вечер решётчатая дверь закрывалась доской, которая защищала от дождя и всё чаще задувавших холодных ветров. Ещё больше свинка радовалась окну в спальне, через которое было видно, что происходит вокруг, и не нужно было слишком часто выбираться на холод.

Теперь, вместо того чтобы утрамбовывать сено, как делала это летом, она старалась распушить его и зарыться поглубже в тепло.

Морозным утром она даже могла так завтракать, лёжа наполовину в спальне, наполовину в столовой.

И вот однажды случилось нечто ужасное. Вдруг, совершенно неожиданно, с неба начали падать большие белые шарики, твёрдые, как железо. Они отскакивали от земли, с грохотом оружейных выстрелов били по крыше домика. Всё это напугало Ольгу почти до истерики. Она, потеряв голову, с воплями носилась по клетке.



— Помогите! — визжала она. — Помогите! Уиии! Уиииииииии!

Ольга была уверена, что началась война, в воздухе свистят пули, а на крышу домика падают бомбы. Когда она была ещё совсем молоденькой свинкой и жила в зоомагазине, кое-кто из старых морских свинок рассказывал ужасные истории про войну, про то, какая это шумная штука. В них самих, конечно, не стреляли, но эти истории передавали из уст в уста, и со временем они обрастали множеством невероятных деталей.

Тогда Ольге это казалось очень интересным, но теперь, когда она сама столкнулась с войной, всё выглядело совсем по-другому.

— Уиииииииии! — верещала она. — Уиииииииии-ии! Помогите! Спасите!

Вдалеке открылась дверь, и Ольга смутно расслышала голоса, окликающие её по имени. Потом кто-то, кажется миссис Опилки, потребовала какой-то «зонтик», и дверца клетки распахнулась.

К этому времени Ольга уже пребывала в такой панике, что просто бросилась вперёд. Что угодно,

только бы не сидеть взаперти в клетке, не чувствовать себя такой беспомощной!

Ей навстречу протянулись руки, но охваченная ужасом свинка их даже не заметила. Затем она почувствовала, что падает. Эти секунды, казалось, тянулись бесконечно, а потом она с глухим стуком упала на мокрую твёрдую землю далеко внизу.

Несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь восстановить дыхание. Потом попыталась встать, и её охватил холодный ужас —

тело отозвалось жуткой болью. Она отчаянно заскребла передними лапками, но ничего не получилось — задняя часть тела отказывалась слушаться. Она хотела встать, напрягала каждый мускул, но всё было тщетно.

Словно в тумане Ольга почувствовала, как её подняли с земли и понесли в дом, в тёплую комнату. Там мокрую и грязную свинку закутали в полотенце и осторожно вытерли. Но хотя это было очень приятно и помогло ей немного успокоиться, боль по-прежнему, словно облако, окутывала её целиком.

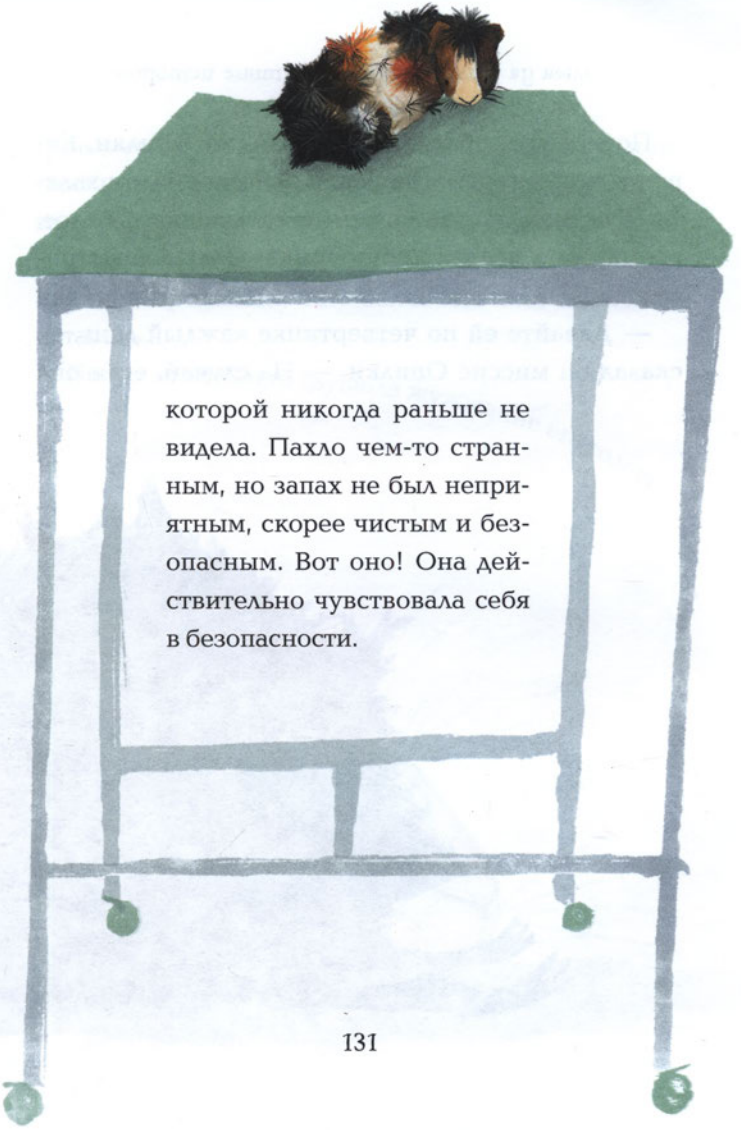
Откуда-то — казалось, издалека, но Ольга понимала, что это где-то рядом, — послышался плачущий голос Карен.

— Ох, Ольга... — сказала она. — Что же ты натворила... Если бы ты только могла рассказать, что с тобой случилось.

Превозмогая боль, Ольга попыталась встать, но после нескольких отчаянных попыток свалилась без сил.

— Если бы я только *могла* рассказать! — Ольга со стоном закрыла глаза. — Если бы я могла! Но я сама не понимаю. Что это могло быть?

Ольга не знала, сколько она проспала, но, проснувшись, обнаружила, что лежит на скамейке в комнате,



которой никогда раньше не видела. Пахло чем-то странным, но запах не был неприятным, скорее чистым и безопасным. Вот оно! Она действительно чувствовала себя в безопасности.

Поблизости обнаружились миссис Опилки, Карен и незнакомый мужчина в длинном белом халате. Мужчина держал в руке что-то маленькое, белое, размером с цветок крестовника. Ольга навострила ушки.

— Давайте ей по четвертинке каждый день, — сказал он миссис Опилки. — На случай, если она

страдает от шока. Это обычная проблема с морскими свинками — если с ними что-то случается, им требуется день-другой, чтобы прийти в себя. Держите её в тепле и сухости. Нельзя, чтобы появились пролежни, тем более что она не может вставать...

Полусонная Ольга слушала жужжание его голоса.

Сейчас, вымытая, высушенная и выспавшаяся, она почувствовала себя лучше, а острая боль в спине почти отпустила. Вместо неё появилось какое-то сонное безразличие. Но ног Ольга не чувствовала и не могла сказать, двигаются ли они.

Она инстинктивно понимала, что о ней хорошо заботятся и, если она хочет, чтобы ей стало лучше, нужно делать всё, что говорят. Но единственное, чего ей хотелось, — чтобы её оставили в покое.

А человек в белом добавил кое-что ещё.

— Спинка не сломана, лапки тоже, похоже, целы... — Он очень осторожно взял её в руки и аккуратно ощупал. — Признаков вывиха тоже нет...

— Батюшки, — испугалась Ольга, — сколько же всего у меня нет! — Надеюсь, хоть что-то осталось.

— Ушибы, — сказал мужчина в белом. — Множество ушибов, но это пройдёт.

Ольга подумала, что не стоило задавать себе этот вопрос. Она не знала, что это такое, но слово «ушибы» ей не нравилось.

На своё счастье, Ольга опять уснула раньше, чем ветеринар продолжил:

— Подождём недельку. Да, принесите мне её через неделю, если раньше не станет хуже. Тогда и будем решать, что с ней делать... *так или иначе.*

Глава одиннадцатая

Танец сахарной свинки

Прошла неделя, потом другая — а Ольге не становилось лучше.

Это были две самые длинные недели в её жизни. Каждый день Ольгу приносили в дом и укладывали в корзинку на кухонном столе, чтобы можно было массировать её лапки. Каждый день она пила таблетки, а её шёрстку тщательно расчёсывали. Иначе Ольга очень скоро приобретала неряшливый, неухоженный вид, потому что не могла согнуться и причесать свою шёрстку сама.

С лекарством тоже поначалу возникла проблема. Ольга никак не могла проглотить даже четвертинку крошечной таблетки, и Опилки быстро отказались от идеи протолкнуть лекарство в горло морской свинки, опасаясь поранить бедняжку.

В конце концов миссис Опилки решила, что лучше всего будет растереть таблетку в порошок и посыпать им еду. И каждое утро мистер Опилки отправлялся с фонариком на поиски листа одуванчика.

Ольге нравились листья одуванчика. Травы не хотелось, овёс она даже видеть не могла, потому что наклоняться над миской было слишком трудно. Но листья одуванчика — совсем другое дело. Ольга

инстинктивно чувствовала, что из всей возможной пищи — а зимой выбор был не так уж велик — одуванчики были лучше всего.

Новости о случившемся с Ольгой быстро разошлись по округе, и Ноэль теперь навещал её каждое утро, чтобы потом рассказать всем о состоянии её здоровья.

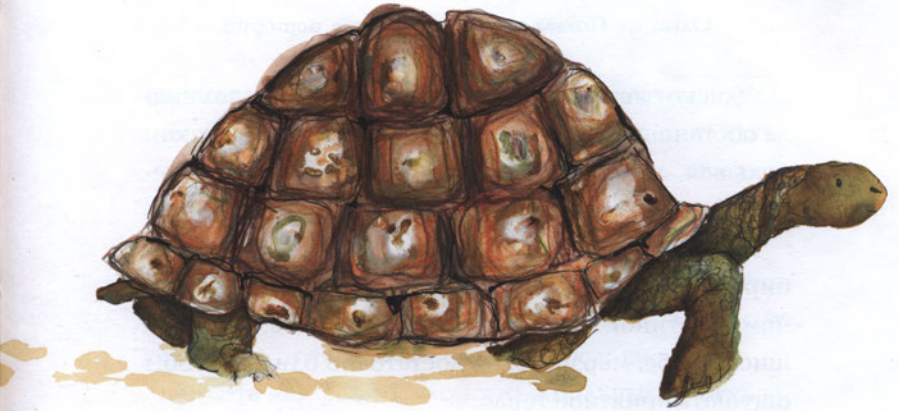
Несколько раз забегал Фаджио и однажды даже принёс листок чертополоха, который нашёл на Елисейских Полях. Но домик морской свинки стоял слишком высоко, он никак не мог передать свой гостинец, поэтому съел его сам и немного погодя отправился по своим делам.

Даже Грэм, неслыханное дело, вышел из спячки, пожелав выяснить, что происходит.

Через неделю Ольгу снова отнесли к ветеринару, но он никак не мог принять решение.

— Пусть продолжает принимать таблетки, — посоветовал он и объяснил, что животные во многом похожи на людей. Иногда после неудачного падения или того, что он назвал смещением диска, бывает такая сильная боль, что пострадавший боится двигаться, даже когда стало гораздо лучше.

— Возможно, ей нужна какая-то перемена, — предположил он. — Попробуйте её чем-то отвлечь.



Ольге эта мысль показалась очень здравой. Она чувствовала себя такой старой, больной и беспомощной, что была готова отдать почти всё, что угодно, только бы перемениться. Конечно, отдать, например, шёрстку было бы жаль, тем более что она так старательно за ней ухаживала, но...

Однако по дороге домой она услышала, как миссис Опилки объясняет Карен, что ветеринар посоветовал поменять Ольге обстановку, а не тело, и она снова впала в меланхолию.

«Какой смысл в переменах, — размышляла она, — если я даже не в силах им порадоваться?»

Однако очень скоро Ольга действительно поменяла обстановку. Конечно, перемена была не слишком большая, но явно к лучшему и отличалась от её теперешнего унылого существования.

Каждый вечер, пока чистили её клетку, Ольгу забирали в дом и укладывали на коврик перед камином в гостиной. Не так близко, чтобы потом, вернувшись к себе, мёрзнуть, но достаточно близко, чтобы ощущать приятное тепло.

Сначала Ольгу это немного беспокоило, тем более что Ноэль постоянно бродил где-то рядом. Не то чтобы свинка не доверяла ему, просто такова уж кошачья натура: кошки просто не могут не гоняться за тем, что движется. Но Ольга так неподвижно лежала на мягком шерстяном коврике, что Ноэлю не приходило в голову гоняться за бедняжкой, и понемногу Ольге стали нравиться эти вечера.

Самой интересной штукой здесь был большой ящик, стоявший в углу комнаты. Часто его передняя стенка начинала светиться, и по ней двигались крошечные фигурки, некоторые даже *разговаривали*! И часто из ящика слышалась музыка. Когда такое

случалось, Ольга отвлекалась от своих невесёлых дум и внимательно слушала.

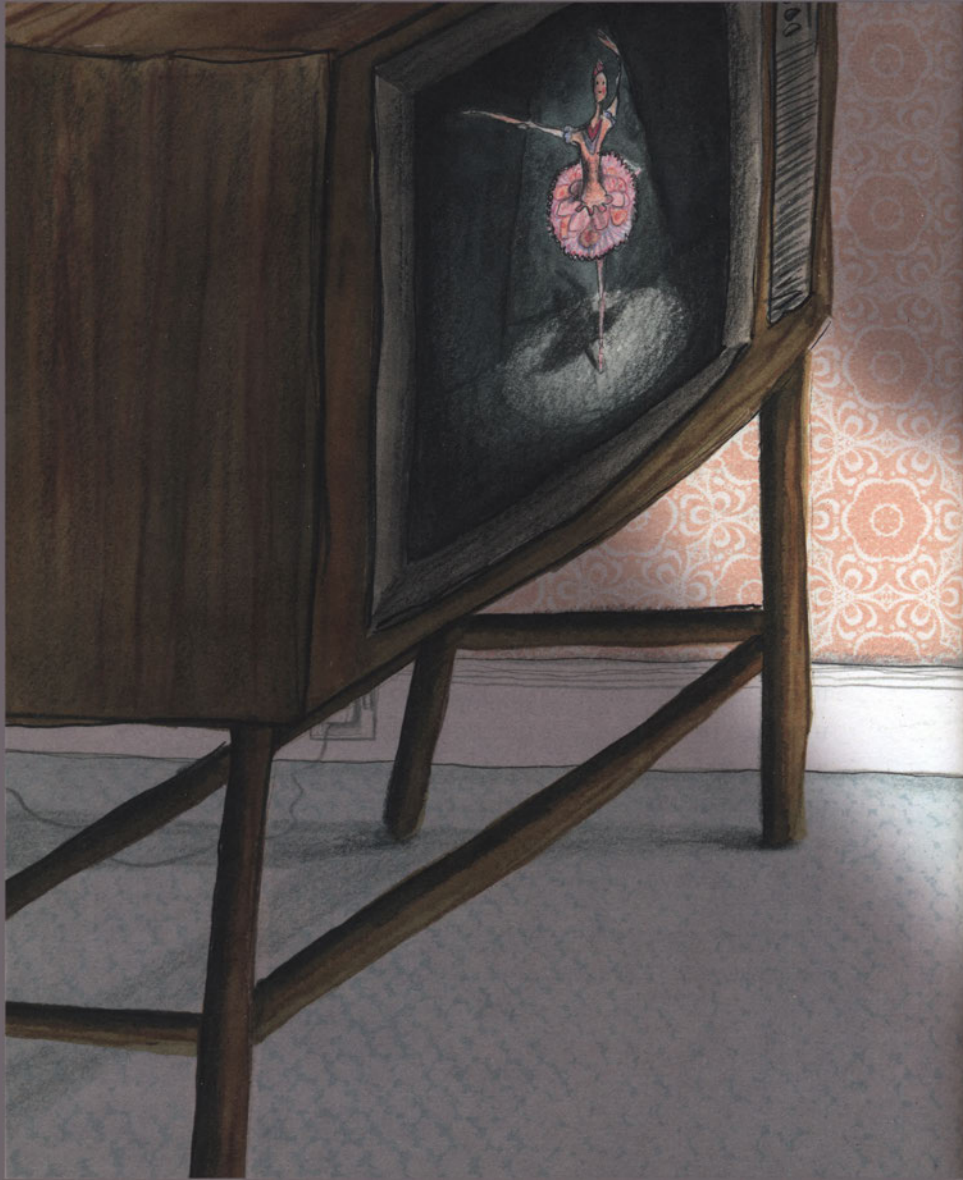
Ноэль объяснил, что эта штука называется «телевизор». Ему телевизор не очень нравился, потому что от него только слегка пахло чем-то горелым — совсем неинтересно, а если подойти поближе, шерсть начинала забавно потрескивать. Но Ольге телевизор нравился всё больше и больше.

— Эта как раз то, что нужно больным, — сказала миссис Опилки, заметив, как внимательно свинка смотрит на телевизор. — Развлекает и помогает приятно скоротать время.

Как-то вечером Ольгу оставили в доме дольше обычного, а музыка, доносившаяся из телевизора, показалась ей удивительно красивой. Такой она ещё никогда не слышала. Миссис Опилки сказала, что это Танец Сахарной Феи[1]. И действительно, на экране появилась фея, крошечная серебристая фигурка, порхавшая в такт музыке, словно пушинка одуванчика, подхваченная лёгким ветерком.

---

[1] Танец Сахарной Феи, или Танец Феи Драже — партия из балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского.



Иногда фея подходила совсем близко, и Ольга могла её рассмотреть. Иногда фея убегала, словно чего-то испугавшись. А потом, касаясь сцены лишь одной ногой, начала крутиться, как юла, и казалось, ничто не может её остановить.

Ольга замерла и долго сидела, не в силах оторвать взгляд от экрана. Потом закрыла глаза и начала мысленно танцевать. Сначала медленно, а по мере того как музыка становилась громче, всё быстрее и быстрее, пока не почувствовала, что тоже вращается на одной лапке, как та фея из ящика.

— Боже мой! — услышала она откуда-то издалека. — Ты видела? — (Взволнованные голоса зазвучали гораздо ближе.) — Ольга... ты же стоишь!

Когда музыка закончилась и раздались аплодисменты, Ольга открыла глаза и едва не упала от удивления. Она действительно стояла! Не на одной задней лапке, как в своих мечтах, и даже не на двух

задних, но твёрдо на всех четырёх. И что самое удивительное — у неё ничего не болело. Совсем.

— Я переменилась! — радостно запищала она. — Я наконец-то переменилась! Как же приятно жить в такое волшебное время! — добавила она, обращаясь к мирозданию. — Как мне повезло!

Если Карен и заметила ряд усатых мордочек, прижавшихся к стеклянной двери в сад, то мудро промолчала об этом. Эти странные мордочки радостно кивнули — и исчезли. Когда дело касается морских свинок, о некоторых вещах лучше не говорить. Особенно если эти свинки только что исполняли Танец Сахарной Феи. Для одного вечера достаточно и того, что Ольга снова встала на лапки.

Глава двенадцатая

Ночь лунных ракет

Встав наконец на лапки, Ольга быстро пошла на поправку. Глазки у неё сверкали, мех снова блестел, и время от времени она высоко подпрыгивала, как это делают морские свинки, когда хотят показать, что всё прекрасно в этом лучшем из миров.

Вообще-то, подпрыгивать слишком высоко она не могла, потому что погода оставалась холодной и вольер уже давно убрали на зиму, а Ольга бóльшую часть времени проводила в своём домике, только изредка отправляясь в большой дом.

Лужайка почти всё время была покрыта слоем опавших листьев. Как только мистер Опилки их убирал, тут же появлялись новые.

Потом Ольга заметила изменения в привычном ходе вещей. Вместо того чтобы сразу складывать листья в костёр, мистер Опилки начал уносить их в другую часть сада и собирать в кучу вместе с палками, коробками с ненужной бумагой, сухими ветками и бог знает с чем ещё, пока куча не стала с него ростом.

Ольгу это обстоятельство только радовало. Она не очень-то любила костры, особенно когда дым шёл в её сторону и заставлял глаза слезиться.

Но однажды вечером случилось нечто необычное. Началось с того, что Карен зашла в стоящий недалеко сарай и вышла с целой охапкой сена. Сначала Ольга подумала, что она собралась почистить её домик, но, к большому удивлению свинки, Карен прошла мимо. На этом странности не закончились. Чуть позже Карен вернулась с каким-то маленьким старикашкой на плече. Она прошла мимо Ольги и пристроила фигуру старика НА ВЕРШИНУ КУЧИ МУСОРА.

Ольге не понравился новый приятель Карен Опилки, краснолицый и очень

плохо одетый, и вообще всё это выглядело, по крайней мере, странно. Не успела свинка хорошенько подумать и разобраться, что к чему, как на лужайке появился мистер Опилки; с дочкиной помощью он поднял домик Ольги и куда-то его понёс.

«Батюшки, — думала Ольга, раскачиваясь в такт его шагам, — надеюсь, они не собираются и меня пристроить на эту кучу мусора».

Но к её облегчению, домик всего лишь занесли за угол большого дома и разместили в большой комнате с дверями во всю стену, где мистер Опилки обычно держал свою машину.

— Это только на сегодняшний вечер, — объяснила Карен. — Здесь тебе будет гораздо безопасней. А дверь мы на всякий случай оставим открытой: вдруг Ноэль захочет спрятаться там, где безопаснее.

Ольга высунулась из сена.

— Спрятаться? — переспросила она. — Где безопаснее? — (Но шаги уже затихли вдали.) — Да что же тут творится?

Снаружи что-то вспыхнуло, зашипело и с шумом пролетело мимо.

Ольга чуть не выпрыгнула из шубки, но не успела она прийти в себя, как над головой снова что-то грохнуло, и в том уголке неба, который был виден из клетки, неожиданно появился миллион крошечных звёздочек.

В этот момент что-то мелькнуло в дверях, и в помещение влетел задыхающийся, перепуганный Ноэль.

— Уиииииииииии! — завопила Ольга. — Уиииииииииии! Что это?

— Да кто ж его знает? — ответил присоединившийся к ним Фанжио. — Если хотите знать моё мнение — тут все сошли с ума. — Бух! Бах! Тарарах! У меня все иголки трясутся!

— Уиииииииииии! Уиииииииииии! — Ольга верещала всё громче и отчаяннее; Фанжио продолжал рассказывать, как едва избежал страшной опасности по дороге в гараж, его рассказ прерывался грохотом

взрывов, а свинка заходилась в крике: — Уиииииии-ии! Уиииииииии!

— Тебе непременно нужно так вопить? — раздражённо посмотрел на неё Ноэль. — Я пришёл сюда в поисках тишины и покоя, а здесь ещё хуже, чем там, снаружи. Все вы, морские свинки, одинаковы. Вам бы только повизжать.

Ольга открыла рот и набрала воздуха, но вопить передумала.

— Это лучше, чем рычать, — сухо заметила она. — Или ворчать. Или стонать. Или мяукать, как некоторые.

— Ты визжишь так, словно наступает конец света. — Ноэль уже оправился от испуга и принялся охорашиваться с видом собственного превосходства. Когда в небе снова расцвели звёздочки, он выглянул в окно. — Возможно, эти человеки снова решили лететь на Луну. Они вечно пытаются это сделать. Летают на таких штуках, «ракеты» называются.

Ноэль довольно много знал о самых разных вещах, потому что бывал во многих местах и нередко находил разнообразную информацию в мусорных бачках.

Ольга с усилием сумела взять себя в лапки.

— Морские свинки, — начала она, — пищат потому, что они всегда пищат. А что касается полётов на Луну... — она помолчала, не желая уступать какому-то коту, — что касается полётов на Луну, не понимаю, зачем Опилки стали бы этим заниматься. Мы, морские свинки, сделали это давным-давно. На самом деле именно так мы и научились пищать.

Ноэль переглянулся с Фанжио.

— Ну хорошо, — сказал ёж, устраиваясь на стопке старых мешков. — Расскажи. По крайней мере, это поможет нам отвлечься.

Ольга глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Это случилось за год до РО... — начала она.

— Ты хочешь сказать, РХ? — перебил её Ноэль[1].

— Я знаю, что хочу сказать! — фыркнула Ольга. — РО — значит Рождество Одуванчиков, то есть очень-очень давно. Я, кажется, уже упоминала, что в те времена в Перу было очень много морских свинок и еды становилось всё меньше. Если бы они знали, что через год будут найдены одуванчики, они бы, возможно, и не стали всё это затевать. А так они однажды решили забраться на Луну, посмотреть, нет ли там травы. В те времена не было никаких... э-э... дакет.

— Ракет, — поправил её Ноэль. — Первая буква «Р».

Ольга открыла глаза и сурово посмотрела на своих слушателей.

---

[1] РХ — принятое сокращение Рождества Христова, от которого ведётся современное летоисчисление.

— И буквы «Р» тоже не было, — строго заметила она. — Не изобрели. Короче говоря, поскольку в те времена не было ни дакет, ни буквы «Р», ни даже лестниц с достаточно частыми перекладинками, чтобы по ним могли карабкаться морские свинки, но при этом достаточно длинных, чтобы по ним можно было подняться до Луны, они поступили единственно возможным способом. Встали на плечи друг другу.

Фанжио смотрел на Ольгу, открыв рот.

— Но Луна же очень далеко, — не поверил он. — Даже дальше, чем кусты.

— Если ты хочешь чего-то достичь в этом мире, — наставительно произнесла свинка, — ты никогда этого не получишь, если будешь просто сидеть и ждать. Но если начать *делать*, никто не может сказать, чего ты в конце концов достигнешь.

Свинки дождались подходящей ночи, когда в облаках образовался просвет и совсем не было ветра, и принялись за дело. Сначала они выстроились в линию — самые маленькие справа, самые высокие слева. Потом выбрали самого толстого и сильного — стоять в основании пирамиды. Следующий самый

большой влез ему на спину. Потом второй, третий и так далее. До тех пор, пока наконец, уже перед рассветом, самая маленькая морская свинка не начала длинный путь на вершину.

Говорят, это было потрясающее зрелище. Животные со всей округи собрались вокруг и с изумлением смотрели на происходящее. И когда вниз пришло сообщение, что последняя свинка ступила на Луну, поднялось такое рычание, лай, ржание и рёв, что кое-кто даже подумал, что наступил конец света.

И вот тогда, — мрачно продолжила Ольга, — и случилось несчастье.

Хотя самая первая свинка была очень сильной, вес остальных всё глубже вдавливал её в землю, пока её голова не оказалась на уровне земли.

Вдруг с ближайшей травинки скатилась капелька росы, прихватив по пути несколько пылинок, и шлёпнулась прямо на нос нижней свинки. Та попыталась было слизнуть росинку, но язычок у неё был слишком коротким. Попробовала тряхнуть головой, но не смогла. Постаралась задержать дыхание и подумать о чём-то другом. Не сработало.

Нос начал чесаться, и, прежде чем свинка успела предупредить остальных об опасности, прогремел самый громкий чих, который только можно себе вообразить!

Огромная башня из морских свинок дрогнула, закачалась и опасно накренилась. Секунду-другую ещё казалось, что она сможет выпрямиться, но тут башня задрожала и пошла волнами. Она стала рассыпаться, и спустя несколько мгновений все морские свинки рухнули на землю.

К счастью, земля вокруг была довольно мягкой и свинки не очень пострадали, но получили сильное потрясение и перестали строить планы по освоению Луны. Никто из них не был достаточно сильным и храбрым, чтобы снова пережить такое. Это был ужасный момент, просто ужасный.

— Очень интересная история, — с сомнением протянул Ноэль, прерывая воцарившееся молчание. — Но я так и не понял, откуда у морских свинок взялось это «уиииииииииииии»!

Ольга с жалостью взглянула на собеседников:

— Завопишь тут «уиииииии!», если придётся падать с такой высоты!

Ноэль и Фанжио посмотрели друг на друга.

— Задаёшь дурацкие вопросы, — заметил Фанжио, — получаешь такие же ответы.

— С тех самых пор так и повелось, — мечтательно продолжила Ольга. — Наше «уиииииии!» передаётся из поколения в поколение. Вы знаете... — Она открыла глаза, но слушатели исчезли, как и искры фейерверка.

Ольга вздохнула и принялась уплетать овёс. Успокаивать других — неблагодарное занятие. Она порой сама себе удивлялась: и зачем она это делает?

Глава тринадцатая

Неожиданный визит

У Ольги были неприятности. Не то чтобы серьёзные неприятности, а такие, когда всё нескладно, все на тебя ворчат и ты ничего не можешь с этим поделать. Даже если бы и мог, то смысла нет, потому что до твоих усилий никому нет дела.

Это всё из-за её миски для воды. Каждое утро вокруг неё образовывалась целая лужа, а Ольгу обвиняли, что она всё время переворачивает поилку. Ольге эта суета уже надоела, потому что только она и могла видеть тонкую, как волосок, трещинку, сквозь которую вода и вытекала.

«У меня просто не остаётся выхода, — решила она. — Я должна от неё избавиться, иначе покоя не будет».

Но когда у тебя всего две комнаты и нет даже заднего двора, не говоря уже о мусорном баке, избавиться от чего-то не так уж и просто. Приходится полагаться на других, а эти другие понятия не имеют о проблеме и продолжают наливать воду в треснувшую миску.

— Боюсь, что мне всю оставшуюся жизнь придётся ходить с мокрыми ногами, — печально вздыхала Ольга. — Я заработаю ревматизм раньше, чем мне исполнится два года.

Но однажды утром она получила свой шанс. На несколько секунд она осталась у себя в столовой одна, а дверца оказалась ОТКРЫТОЙ НАСТЕЖЬ. Лёгкий толчок — и дело сделано. В ответ на грохот раздался быстрый топот. Дверца захлопнулась, и миссис Опилки с облегчением выдохнула:

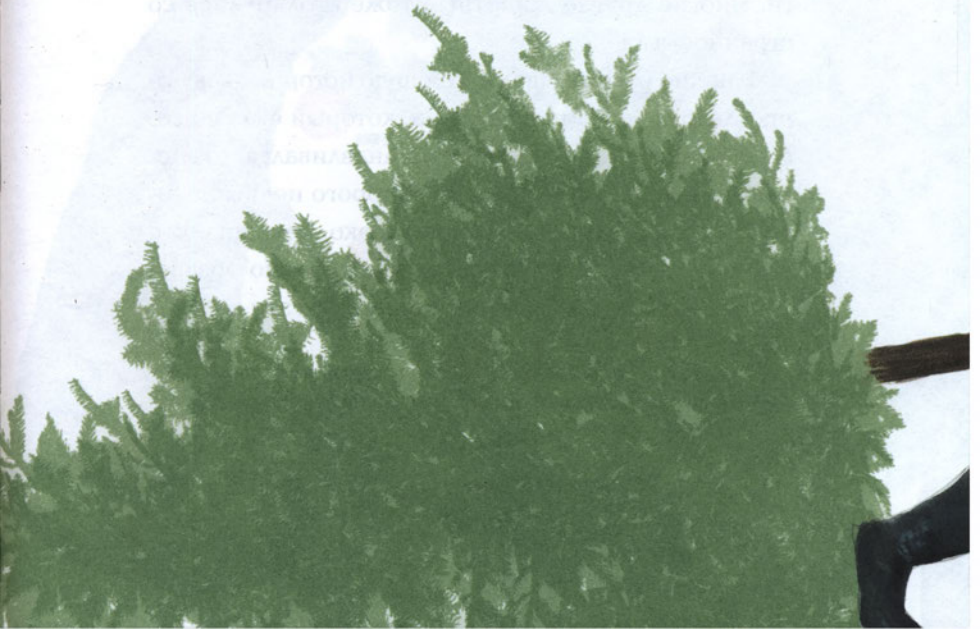
— Ничего страшного... это просто поилка. Слава богу, она не выпала опять!

— Ладно, хорошо, — отозвалась Карен. — По крайней мере одна проблема решена. Я пока поставлю ей пластмассовую миску, а на следующей неделе положу записку в каминную трубу.

«„Положу записку в каминную трубу!“ — с отвращением подумала Ольга. — О чём это они? Надо же такое придумать!»

Но вскоре она напрочь забыла об этом, потому что в следующие несколько дней случилось ещё немало столь же странных вещей и у Ольги голова шла кругом в попытках разобраться в происходящем.

Например, уже на следующий вечер мимо Ольгиного домика прошёл мистер Опилки, который нёс — вы только подумайте — дерево!



А через несколько дней кто-то вдруг запел прямо у неё под дверью! Это оказалась Карен с компанией друзей. Слова было трудно разобрать, но похоже на «Пока пастухи стирали свои носки»[1]. Это продолжалось некоторое время, потом раздался дребезжащий звук, будто потрясли жестянку с камешками внутри, послышались смешки и шёпот, и кто-то крикнул:

— Здесь ничего не получишь! Попробуем в соседнем доме!

Всё это было очень странно, и, помимо Ольги, многие другие животные тоже столкнулись со странностями.

Фанжио рассказывал пугающую историю, как его преследовал огромный фургон, который ехал по соседней улочке и всё время то останавливался, то снова начинал двигаться. Ноэль, которого ночные прогулки заводили порой весьма далеко, сообщил, что и другие дома в окрестностях неожиданно обзавелись зелёными деревьями в комнатах. И эти деревья

[1] В рождественской песенке «Когда пастухи пасли свои стада» («watch their flocks») Ольге слышится «wash their socks» — стирали свои носки.

не только были обсыпаны разными бумажками и блестящими верёвочками, но на некоторых имелись даже разноцветные огоньки, которые то загорались, то гасли. Науськанный озадаченными друзьями, Ноэль отправился в разведку, чтобы исследовать дерево в доме семьи Опилки. Он попытался поймать лапой одну из серебряных верёвочек, ссыпал на пол множество непонятных блестящих штук и был изгнан из дома на некоторое время.

Ольга озвучила мысль, крутившуюся у всех в голове.

— Несомненно, — сказала она, — что-то ПРОИСХОДИТ!

В тот же вечер случилось нечто ещё более странное. Ольга уже легла спать, уютно закопавшись в своё гнёздышко из сена, когда кто-то открыл дверцу и *начал чистить её столовую.*

Во всяком случае, звуки были именно такие, как будто скребут и подметают, до неё донёсся запах насыпанных на пол свежих опилок; потом менее привычный звук, похожий на шуршание бумаги. Всё это продолжалось некоторое время.

— Ну и ладно, — Ольга зевнула, — уж я точно не буду их останавливать, если хотят прибирать у меня дважды в день.

Ей совсем не хотелось покидать свою уютную постельку, и очень скоро свинка опять крепко заснула.

То ли из-за суеты, царившей всю последнюю неделю, то ли из-за того, что ночью её побеспокоили, но наутро Ольга проснулась гораздо позже обычного и, открыв глаза, обнаружила, что ставни с входной двери уже сняты, а всё семейство Опилки — мистер и миссис Опилки, Карен и даже дедушки с бабушками — стоит возле её домика.

А ещё она заметила, что кто-то привязал к домику большой пучок зелени, похоже остролиста, потому что она разглядела кисть красных ягод.

«Надо же! — подумала она. — И что дальше? Какой во всём этом смысл? Остролист же нельзя *съесть*».

Она зевнула, потянулась, и только собралась выйти в столовую посмотреть, из-за чего вся эта суета, как вдруг остановилась и замерла. Её пол выглядел как-то странно. Странно и знакомо. Опилки оказа-

лись исчерчены линиями, словно их проводили палочкой. Линии, похоже, складывались в буквы, из которых получилось...

ОЛЬГА ДА ПОЛЬГА!

Кто-то написал на опилках ЕЁ ИМЯ. Точно так, как когда-то сделала она сама, когда только приехала в дом Опилки.

Там было написано ещё что-то, но Ольге уже было всё равно. Она бегала кругами по столовой, взволнованно пища и разбрасывая опилки.

— Вот видите! — победно воскликнула Карен. — Она *знает*, что это значит. Я же говорила!

— Да, дорогая, — терпеливо согласилась миссис Опилки, — но мне бы хотелось, чтобы она перестала бегать и открыла наконец свёрток. Тут довольно холодно стоять.

Ольга замерла:

— Свёрток? *Для меня?*

Она огляделась — и действительно, в углу обнаружился небольшой предмет, завёрнутый в яркую разноцветную бумагу.

Ольге бумага очень понравилась. Отличная мысль — завернуть подарок во что-то, что можно съесть. Но основательно приступить к делу она толком не успела — дверца открылась, и множество рук принялись помогать ей разворачивать свёрток. Наконец бумагу убрали, и Ольга изумлённо заморгала.

— Уиииии! — восторженно запищала она, всё шире и шире открывая глаза. — Новая поилка!

Она присмотрелась повнимательнее. На боку миски большими красивыми буквами было написано её имя.

— Аккуратнее с ней, — предупредила Карен, наливая воду. — Это подарок от Санта-Клауса, а он приходит только раз в году.

«Подарок от Санта-Клауса!»

Все уже ушли, а Ольга ещё долго сидела, не сводя глаз со своей новой миски для воды.

Это была великолепная миска. Даже вода в ней была вкуснее. А уж если нужно помыть лапки — так можно все четыре сразу! Если постараться, конечно. Ольга с трудом верила своим глазам.

И если судить по крикам, которые доносились до неё каждые несколько минут, она была не единственной, кто получил в этот день приятный сюрприз.

Вскоре мимо пробежал облизывающийся Ноэль, от которого сильно пахло рыбой.

— Весёлого Рождества! — сказал он.

— Весёлого Рождества, — ответила Ольга.

«Какой, должно быть, хороший человек этот Санта-Клаус, — размышляла Ольга, устраиваясь в сене после обеда. — И какой умный — точно знает, кто чего хочет». Она снова полюбовалась написанными на боку миски словами — ОЛЬГА ДА ПОЛЬГА. Он даже написал её имя! Неудивительно, что времени у него хватает только на один визит в году.

Оглавление

Глава первая

Ольга отправляется в путь · 5

Глава вторая

Ольга да Польга получает ИМЯ · 19

Глава третья

Ольга совершает УКУС · 33

Глава четвёртая

История хвоста · 45

Глава пятая

Ольга заводит друзей · 57

Глава шестая

Ольга берёт выходной · 71

Глава седьмая

Ольга получает награду · 83

Глава восьмая

Ольга распускает слухи · 97

Глава девятая

Ольга и Суррейская Пума · 111

Глава десятая

Катастрофа · 125

Глава одиннадцатая

Танец сахарной свинки · 137

Глава двенадцатая

Ночь лунных ракет · 149

Глава тринадцатая

Неожиданный визит · 163

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
Б 81

Michael Bond
THE TALES OF OLGA DA POLGA
Text copyright © Michael Bond 1971, 2015
Illustrations copyright © Catherine Rayner 2015
"Olga Da Polga, Gift Edition" was originally publishes in English in 2015
This translation is published by arrangement with Oxford University Press
All rights reserved

Перевод с английского *Ирины Сендерихиной*

Бонд М.

Б 81 Ольга да Польга и её невероятные истории : рассказы / Майкл Бонд ; пер. с англ. И. Сендерихиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 176 с. : ил.

ISBN 978-5-389-12205-5

Ольга да Польга всегда выделялась из толпы других морских свинок в зоомагазине. Во всяком случае, она была в этом уверена. Выделялась не только яркой шубкой в непослушных завитках и замечательно-толстыми щеками. Главное, что делало её особенной, — неуёмная фантазия и жажда приключений! Непревзойдённая выдумщица и рассказчица, она была уверена, что её ждёт увлекательное будущее, полное захватывающих событий и неожиданных сюжетных поворотов. И в один прекрасный день приключения Ольги начались!

Создатель знаменитого на весь мир медвежонка Паддингтона, Майкл Бонд написал также несколько очаровательных историй о забавной толстушке, фантазёрке и мечтательнице, морской свинке с необычным именем Ольга да Польга. Полные доброго юмора и весёлого абсурда, перемешанного с житейской мудростью, невероятные истории Ольги не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых!

Впервые на русском языке!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

© И. Р. Сендерихина, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12205-5

Литературно-художественное издание
Массовое издание

Майкл Бонд

Ольга да Польга и её невероятные истории

Ответственный редактор *Екатерина Дубянская*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев-мл.*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Лариса Ершова, Светлана Фёдорова*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 0+

Подписано в печать 06.05.2019. Формат издания 84 x 100 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,1. Тираж 4000 экз. Заказ № 3914.
Дата изготовления 27.05.2019.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

C-DMP-20238-01-R

Larisa_F